

Лара Март
Когда
люди лают –
собаки улыбаются

Лара Март

**Когда люди лают –
собаки улыбаются**

«ИТРК»

2017

УДК 82.312.6

ББК 84-44

Март Л.

Когда люди лают – собаки улыбаются / Л. Март — «ИТРК», 2017

ISBN 978-5-88010-472-7

Завидной, безусловно удавшейся можно назвать жизнь Вероники Полыниной. Мать чудесной взрослой дочери. Привлекательная, яркая, умная, успешная женщина. Престижная работа, отличная карьера в журналистике, премии и признание. Обширный, интересный круг общения. Казалось, счастье героини будет бесконечно долгим. Повезло женщине, считали все вокруг, любимица судьбы, не иначе. Но вдруг, в одночасье рушится вся великолепно устроенная жизнь Вероники. Трагедия, страшнее которой нет. Беда за бедой. Друзья предают, жестоко, цинично. Работы не стало, профессия безвозвратно утрачена. Враги ликуют и шикают в спину. Отношения оказались фальшивыми. Мирок благополучия – зыбким, он и раскололся вдребезги. Отверженность. Одиночество. Безысходность. Сумеет ли Вероника Полынина справиться с чудовищными испытаниями? Что даст ей силы? Что она поймет о любви и ненависти, добре и зле, об истинном и ложном? Что откроет в людях и в себе? Кого встретит? Кто ей поможет? Куда вынесет ее судьба? В книге – невероятные повороты сюжета, удивительные совпадения, а также узнаваемые и неожиданные герои. Возможно, перевернув последнюю страницу, вы произнесете: «Надо же, как бывает!». Книга рассчитана на самую широкую читательскую аудиторию: будет интересна и мужчинам, и женщинам, и людям зрелого возраста, и совсем молодым.

УДК 82.312.6

ББК 84-44

ISBN 978-5-88010-472-7

© Март Л., 2017

© ИТРК, 2017

Содержание

Часть I	7
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	21
Глава 7	26
Глава 8	29
Глава 9	32
Глава 10	35
Глава 11	39
Глава 12	42
Глава 13	46
Глава 14	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Лара Март

Когда люди лают – собаки улыбаются

© Март Лара, 2017

© Издательство ИТРК, издание и оформление, 2017

* * *

*Что может дать один человек другому, кроме капли тепла? И что
может быть больше этого?*

Эрих Мария Ремарк, «Триумфальная арка»

Герои придуманы автором. Все совпадения персонажей с реально живущими людьми являются случайными.

Часть I

Глава 1

Прощальный банкет устроили в модном ресторане. Министры, совсем молодые люди, смеялись и шутили, расхаживая с бокалами по залу. Они были беспечно веселы, будто не лишились престижных должностей, а празднуют новые назначения. А может, так и было. Я не сомневалась, что эти умные профессионалы без работы не останутся.

Правительство области в полном составе ушло в отставку в связи с переходом губернатора на новую работу, в федеральные министры супервлиятельного силового ведомства. Несколько дней назад его вызвал президент и предложил возглавить министерство. Хотя, скорее, не предложил – объявил о новом назначении. По виду губернатора можно было понять, что кульбит стал для него неожиданностью, ведь пробыл главой региона всего полгода. Но он срочно понадобился президенту на другой позиции.

На днях, уже после известия о назначении, в областном доме правительства выступал давний друг теперь уже экс-губернатора Михаил Жванецкий и пошутил в тему: «Да, была б у меня колода, я б ее тоже тасовал».

Я, еще несколько дней назад занимавшая должность пресс-секретаря областного правительства, вместе со всем кабинетом была отправлена в отставку. Да и не стала бы я работать с новым начальством. Хотя по поводу своей карьеры была менее оптимистична, чем молодые министры. Мне за сорок, и новый карьерный взлет, как у молодых министров с Йелем, Гарвардом и Оксфордом, мне не светил. Но я старалась не показать своей растерянности, светски перебрасывалась шутками с главой службы безопасности правительства, попутно размышляя, чем бы заняться в самое ближайшее время: поехать за границу или к дочке в Сочи, или к родственникам на Украину?

К нам подошел все еще председатель правительства области и мой непосредственный начальник Сергей Битов. Он, как всегда, был в прекрасном расположении духа, и непосвященный человек по его виду никогда бы не понял, что он расстроен, озабочен, растерян. Мне вспомнилось, как мы были ошарашены, узнав накануне о назначении нового и.о. губернатора, видного думского «единоросса». Все ожидали, что губернаторство будет предложено Битову. Это было бы логично и разумно. Но – нет: наверху решили иначе. Услышав о новом и.о., я спросила у секретаря, как там наш Битов? «Поет», – ответила секретарь, и мы обе расхохотались: только мы знали, что если шеф поет, значит, нервничает.

– Вероника Викторовна, можно вас на минутку? – с улыбкой обратился ко мне Битов.

Начальник службы безопасности тут же, как по команде, отошел от нас, дотронувшись рукой до моего плеча, мол, увидимся.

– Слушаю, Сергей Валерьевич, – посмотрела я на Битова.

– Вы уже решили, что будете делать дальше? – спросил он.

– Нет, пока нет, – ответила я.

– В журналистику не собираетесь вернуться?

– Точно – нет. Нынешняя журналистика меня совершенно не привлекает, тем более политическая, которой я раньше занималась, – честно призналась я.

– У меня есть для вас предложение – возглавить пиар-службу в... (он назвал влиятельнейшую госкорпорацию, помимо прочего, славившуюся своими высокими зарплатами и завидным соцпакетом). – Битов с улыбкой наблюдал за моей реакцией.

Это было предложение, о котором можно только мечтать. У шефа, я знала, большие связи.

Я выдержала несколько секунд паузы, собираясь с мыслями.

– А вы тоже будете там работать? – вопрос, куда пойдет Битов, талантливый, умный, креативный, всех нас занимал.

– Нет, я решил несколько месяцев отдохнуть, – откровенно признался он. – А дальше видно будет. Но это не важно. Я уже говорил о вас с главой корпорации. Он высоко оценил вашу работу в качестве пресс-секретаря правительства и готов предложить вам эту должность. Кстати, прежний руководитель пиар-службы стал вице-президентом компании, так что перспективы на этой должности очень неплохие.

Что мне всегда нравилось в Битове, так это его умение думать не только о себе, но и нести ответственность за людей, которые с ним работают, которых он привел. Редкое качество для руководителя. Уверена, что и своих министров он уже «пристроил».

– Я согласна, Сергей Валерьевич, конечно, согласна, – не стала я тянуть время.

– Вот и отлично, – заключил Битов. – На днях вам позвонят из приемной президента корпорации. И – спасибо вам за работу, мы были отличной командой, верно?

Я грустно покивала.

– И еще напоследок мы успели с вами съездить в отличную командировку, – рассмеялся он.

На самом деле, мы только что вернулись из деловой поездки в Японию, Южную Корею, Сингапур, где сумели заключить несколько выгоднейших для области контрактов. Судьба которых теперь была под большим вопросом.

Битов отошел, а в моей сумке запиликал айфон. Звонила дочка из Сочи. «Она ведь сегодня номер сдает», – вспомнила я. Полина работала редактором местной газеты.

– Да, Поль, привет, как ты?

– А как ты? Это не я, а ты у нас потеряла работу, – напомнила со смешком дочка, совершенно не переживая по этому поводу, так как знала: мама все равно выйдет победительницей из самой запутанной и безнадежной ситуации.

– А я только что получила предложение о новой работе, которая, наверное, ничуть не хуже нынешней, – я радостно рассказала Поле о предложении Битова.

– Ни фига себе! – ошарашенно произнесла дочь. – Это же классно, это супер!

– Ну и словечки у редактора газеты, – мягко попеняла я. – Погоди еще, может, при личном общении я не понравлюсь президенту корпорации.

– Ты – понравишься, – уверенно заявила дочь.

У нас с ней так было заведено: мы всегда поддерживали и хвалили друг друга. Ну, кроме тех случаев, когда я ворчала, как всякая мама, выражая недовольство каким-нибудь мелким Полькиным проступком.

– Спасибо, дорогая. А ты скоро домой? Номер сдали? – поинтересовалась я.

– Почти сдали, скоро домой, только заскочу поужинать к Ане.

Аня была нашей общей подругой и жила в одном доме с дочкой. Поля на пятом этаже, Аня на первом. У нас с дочкой вообще было много друзей в Сочи, с которыми я подружилась первой, много лет прожив в этом курортном городе. А когда я уехала работать в Москву – с моими приятелями стала дружить Поля.

– Ладно, ведите себя хорошо с Аней, – сказала я тоном строгой мамы. – Да, а билет в Москву ты купила?

– Ой, купила, я и позвонила, чтобы тебе сказать. Вылетаю тридцатого декабря. У нас корпоратив двадцать девятого. А прилечу – целые сутки останутся до праздника. Все успею приготовить.

Еще 23 дня – и я увижу свою дочку. Совсем скоро. Я так соскучилась. Хотя виделись мы часто – вместе проводили праздники и отпуска, я летала по делам в Сочи, она по выходным – в Москву.

– Ладно, мамульчик, пойду досдавать номер и переваривать твою сногшибательную новость, – сообщила дочь, явно гордясь мной. – Целую тебя, завтра созвонимся.

– Целую, до завтра, – я нажала кнопку отбоя.

Наша прощальная, но тем не менее веселая, тусовка была в самом разгаре. Да, похоже, все эти блестящие ребята-министры в дорогих костюмах от Brioni, стильных галстуках Hermes и Kiton уже тоже знают о своих новых местах работы и, наверное, празднуют будущие карьеры, а не уходы со своих постов в областном правительстве.

Мне захотелось домой, побыть одной, полежать в ванне, мечтая о любимом Новом годе с дочкой, и наметить планы на ближайшие выходные. К дочке в Сочи, равно как за границу и к родственникам на Украину, я поехать теперь не могла. Мне нужно ждать звонка из приемной большой корпорации.

Глава 2

Потом меня часто спрашивали: не было ли какого-то предчувствия беды? Я вспомнила: что-то меня в тот вечер тревожило. Но я не могла понять, что. По обыкновению пыталась анализировать, что не так? Потеря работы? Смешно. Я практически получила лучшую. (Тьфу, чтоб не сглазить.) Мама на Украине побаливает, это плохо. Давление, какие-то непонятные страхи, перепады настроения. Возраст, ничего не поделаешь. Зато у нее прекрасный муж, мой отчим, с которым они живут в любви и согласии вот уже три десятка лет. Другие украинские родственники, сестра и племянница, тоже в порядке.

У дочки так вообще отлично. Работа перспективная, друзей – море, как у всех в беззаботной молодости. Живет в прекрасном городе Сочи. О замужестве ей бы подумать, все-таки 25, и есть претенденты, но она вроде не очень-то настроена на брак. И, наверное, правильно. Я вот выскочила замуж в 18, по первой большой любви! И что? Любовь растаяла, и мы через три года поняли, что сдуру поспешили, и развелись. Но первая неземная любовь подарила мне дочку.

Скоро у Полины появится прекрасное жилье – несколько месяцев назад я купила ей квартиру в новом доме у моря. Дом достроен, можно начинать ремонт. Еще немного она поживет в самом центре города в своей маленькой малосемейке (так в Сочи называют крошечные однокомнатные квартирки гостиничного типа) и въедет в новую отличную квартиру в тихом курортном районе.

«Все ведь хорошо, что ты, Вероника? Все очень хорошо! Что тебя гложет?» – Так, убеждая себя, я отгоняла непрошенные и необъяснимые страхи. Наконец, погрузилась в сон. Проснулась среди ночи, словно от толчка. Взглянула на часы. Четыре утра. Опять неясная тревога. «Так, паникерша, – попеняла я себе, – прочь плохие мысли, и спать, спать, спать». Здоровый сон – залог хорошего настроения и свежего вида. И то, и другое нам нужно.

Субботнее утро встретило первым в этом году густым снегом. Он постепенно укрывал деревья и крыши красивых частных домиков в поселке художников напротив моих окон. Я включила телевизор – там неугомонный Ваня Ургант в программе «Смак», строга овощи, шутил со своим гостем.

Я сварила кофе и пыталась понять, что они готовят в телевизоре. Что-то мудреное, не буду даже вникать. И тут я услышала пиликанье своего мобильного. Высветился номер помощника мэра Сочи Вахтанга, с которым мы были давними знакомыми. Что-то кольнуло в груди, но я не придала этому значения и даже не успела озаботиться вопросом: зачем это он звонит мне в выходной утром?

– Вероника, горе большое, – быстро проговорил Вахтанг, – ночью в Полином доме был большой пожар. Поля погибла. Вероника, ты слышишь?

Я слышала. Не могла не услышать и отказывалась поверить... Это мне снится, это просто кошмар, сейчас я проснусь, минуточку, секундочку, сейчас дурной сон сгинет.

– Я слышу, Вахтанг, – вымолвила онемевшими губами и нажала отбой.

В телевизоре хохотали. Я помотала головой. Щипала себя пальцами, пытаясь проснуться, избавиться от кошмара.

Но я не просыпалась. Потому что не спала. Зачем-то подойдя к окну, краем сознания отметила, что снег стал еще гуще, улица почти невидима.

Я машинально вынула сигарету из пачки и поднесла зажигалку. Совершая на автомате какие-то привычные действия, даже взяла чашку с кофе. Только что был кипяток и вот кофе совсем холодный. Господи, о чем я думаю...

Не помню, сколько стояла у окна. Очнувшись, набрала телефон сочинской Ани. Кажется, я еще надеялась, что все неправда. Сейчас Аня ответит, что еще в кровати, суббота же, попе-

няет, что рано разбудила, сообщит, что Поля ушла от нее вчера очень поздно и тоже, наверное, спит.

Трубку взяла Анина подруга.

– Вероника, Аня в истерике, она не может взять трубку. Тебе надо лететь сюда.

Покачиваясь, держась за стену, я вошла в гардеробную. Раскрыла чемодан и стала бросать в него с вешалок черную одежду. Платье, юбка, брюки, блузки, джемперы. Сколько у меня, оказывается, черного. Я всегда его любила. А вот этот черный с белым кантом костюмчик от «Шанель» я хотела отдать Поле, когда она приедет ко мне в Новый год. Поля... Новый год... Я опустилась на пол. В руке у меня все еще был зажат телефон. Надо кому-то позвонить. Кому? Нет, звонить не буду, я не смогу произнести слов, которые сказал Вахтанг. Я стала лихорадочно писать эсэмэски. Своей ближайшей подруге Жанне. Сестре. Еще одной подруге. Через несколько секунд мой телефон зазвонил. Это была Жанна, она первой получила сообщение.

– Я сейчас приеду, никуда не выходи! – скомандовала отрывисто и отключилась.

Потом позвонила сестра.

– Я не знаю, что тебе сказать, – плакала сестра, – я только что звонила Ане в Сочи. Я выезжаю туда. Ты с кем? Ты одна? Что ты делаешь?

– Сажу над раскрытым чемоданом, – послушно ответила я, отметив, как глухо и странно звучит мой голос. Это был не мой голос. Сестра рыдала в трубку, а у меня не было ни слезинки. У меня два стеклянных глаза, как у кукол, которых я покупала Поле.

Я встала и открыла входную дверь. Мне казалось, дверной звонок разорвет мою голову. Я стала бояться любых звонков. Любых звуков. Я выключила телевизор. В доме повисла тягучая черная тишина.

Потом я читала, что о трагедии ни в коем случае нельзя сообщать по телефону человеку, когда он один. Неизвестно, как тот поведет себя. Но кто-то должен был мне сообщить. В Сочи все отказались звонить матери. Думаю, Вахтангу звонок дался нелегко.

Потом действительность стала проявляться отрывистыми клипами. Мы с Жанной в такси. Вот уже зал аэропорта Шереметьево. Ко мне бросается моя приятельница, которая приехала туда раньше нас: «Есть один билет в Сочи на рейс через час. Жанна, где ее паспорт?». Я не помню, как проходила паспортный контроль и досмотр. Вздрогнула и покачнулась, когда услышала, как ребенок громко закричал на весь зал: «Мамочка, посмотри на меня!». Меня никто никогда не назовет мамой... Мамочкой...

Я тогда не подумала, почему же никто из подруг не полетел со мной? Почему я в полубреду оказалась одна? Мне кажется, в зале вылета я ходила вдоль огромного стекла, за которым виднелись самолеты, и, наверное, пугала людей своим видом зомби.

Жанна потом рассказала мне, что услышала объявление диспетчера: «Веронику Полянину просят срочно пройти на посадку». Нашла дежурного, показала мою фотографию в айфоне, и он по снимку разыскал меня в зале. Я помню, кто-то в форме взял мою руку, провел по коридору-рукаву в самолет, усадил на место, дал воды.

Потом мы летели сквозь облака, и я гадала, не на одном ли из них сейчас моя Поленька? Пыталась даже рассмотреть ее, понимая, что схожу с ума – и совсем не боялась этого, даже хотела, чтобы мозг отказал, чтобы не было так больно и жутко. Я задавала Богу вопрос «За что?» и в безумстве молила, чтобы самолет разбился. И ощущала себя самым несчастным человеком на Земле. Может, так оно и было.

Внутри меня бился неслышный истеричный вопль, я его чувствовала, он кромсал и рвал меня, душераздирающий и дикий, как на картине Эдварда Мунка «Крик». Мне вдруг вспомнилась эта жуткая картина, наверное, потому, что на днях видела сюжет: она продана за немислимые миллионы долларов. На ней отчаянно кричит все – искривленный рот страшного существа, кровавое небо, рваные облака. А сейчас я сама словно превратилась в этот мунковский сумасшедший безмолвный смертный крик. Я не ощущала себя живой. Мне казалось, меня

уже нет. От меня остался лишь этот отчаянный неслышный вопль, звучащий в пространстве inferнального ужаса. Я впервые почувствовала, что значат эти слова на самом деле – inferнальный ужас, раньше казалось – литературное преувеличение. Но нет, это не метафора, это – явь, кошмарная реальность. Я ведь теперь знала, что такое inferнальный ужас, что ад для женщины – потеря ребенка.

Глава 3

В Сочи лил дождь. Он плакал вместо меня – слез по-прежнему не было. У трапа встретили Аня и дочкина подруга. Я даже не задалась вопросом, как им удалось подойти к трапу.

Мы поехали по новым, построенным к Олимпиаде дорогам в похоронную службу.

– Есть еще погибшие в доме? – спросила я Аню.

– Только Поля, – проговорила она и заплакала. – Инсульты, инфаркты, но погибших больше нет.

– Во сколько это произошло?

– Поля погибла в четыре утра, – сквозь всхлипы произнесла Аня.

Я вспомнила, что в четыре утра почувствовала какой-то тревожный толчок и проснулась.

– Она... мучилась? – выдавила я.

– Нет, она заснула и... не проснулась, – Аня снова зарыдала.

Женщина в похоронной службе плохо маскировала безразличие. Я ее не винила. Это было не ее горе.

– Гроб будет закрытый или открытый? – спросила она.

– Закрытый, – уверенно сказала я. – Я не хочу, чтобы ее видели...

– Не обязательно закрытый, она погибла от угарного газа, у вашей дочки совсем нет ожогов, только немного на ручке и на щеке...

– Прошу вас... – простила я.

– Как скажете, – кивнула она. – Вы хотите, чтоб могила была на центральном кладбище?

У вас там кто-то похоронен?

– Нет, – ответила я.

Потом я узнала, что на старом кладбище Сочи, почти в центре города, недалеко от дома, где жила моя дочь, уже не хоронят. Для того чтобы там упокоить мою девочку, нужны были или очень большие деньги, или специальное постановление мэра города. Постановление мэр издал.

Меня везли в отель, который мэрия забронировала для меня и близких. Я просила не ехать мимо обгоревшего Полиного дома, хотя путь от похоронного бюро в город был только таким. Водителю как-то удалось сделать дугу по горным дорогам, увеличив время пути на час с лишним. Или два.

Я вообще потеряла ощущение времени. Обнаружила себя в отеле стоящей на балконе 13-го этажа под морозящим дождем и думала о том, что очень легко сейчас дикую боль прекратить... После падения с 13-го этажа еще никто не выживал.

Дочкина подруга вошла в номер и, наверное, угадав мои мысли, осторожно отвела меня от перил.

Почему-то в мозгу всплыл кадр из фильма «Жестокий романс», когда в Ларису Огудалову стреляет Карандышев и она, умирая, произносит: «Благодарю...». Я бы тоже проговорила это сейчас, если бы за мной пришла смерть. Я бы от души ее поблагодарила!

И еще в моей голове постоянно крутилась песня Меладзе «Небеса обетованные», которую Поля любила: часто слушала, смотрела клип с умирающей девушкой, а я ругала ее: не надо, мол, этого негатива. Песня хоть и красивая, но трагичная, да еще дикий клип с покойной, чья красивая спина в грубых швах, кое-как наложенных патологоанатомами.

Опять обрывки жизни. Мы встречаем на вокзале мою сестру и племянницу. Маме решили о трагедии не говорить, опасаясь, что это может ее убить. Потом ходим по магазинам, выбираем одежду для погребения моей Поли. Юбку, пиджак, туфли, все красивое, дорогое, моей девочке понравилось бы. Примеряю на себя. Не знаю, откуда силы. Я молчу. Благо, от меня никто не требует разговоров. Аня о чем-то тихо говорит с моими родственниками.

Сидим в кафе на берегу моря. Выглядывает солнце, на вершушках легких волн вспыхивают веселые блики, мокрая галька сияет искрами. «А Поля никогда этого не увидит», – думаю я. Потом я часто буду думать так, видя что-то красивое. И даже запрещать себе смотреть на красоту. Но это будет потом.

Утро дня похорон. Вокруг все время какие-то люди, кто-то держит меня за руку, подходят, обнимают, говорят слова соболезнования. Я даже умудряюсь что-то отвечать.

Врачи «скорой», дежурящей у ритуальной конторы, предлагают успокоительный укол. Я отрицательно качаю головой. Я и так в полузабытьи.

Пока ждем священника для панихиды (мне объяснили, что он задерживается, потому что для отпевания в закрытом гробу требуются какие-то особые приготовления), я даже расспрашиваю дочкиных друзей о детях, родителях.

– Поленьке венок на голову надели, ведь она была не замужем, – шепчет мне Аня. Я киваю. Я не могу заставить себя пойти и посмотреть на мертвую дочь. Не могу! Нет, только не это! Как целовать ее холодное лицо, такое любимое, родное. Хочу, чтобы в моей памяти она осталась живой, веселой, смешливой, красивой, какой была.

Приехал мэр, с которым мы давно знакомы. Я подхожу и обнимаю его, благодарю за помощь. Он, кажется, ошарашен. Наверное, в его представлении убитая горем мать должна выть, кричать, бросаться на гроб, биться в падучей. Если бы мне стало от этого легче, я бы так и делала. Но я не могу проявлять эмоции. Я окаменела. Вся буря бушует у меня внутри. Когда же она разорвет меня, наконец, уничтожит, чтобы я могла быть рядом с Полей?

Я сижу у красивого, блестящего лаком закрытого гроба из красного дерева.

Делаю все, что мне подсказывают. Бросаю первую горсть земли на крышку гроба. Отхожу, опираюсь на какую-то оградку и смотрю на небо, снова беззвучно спрашивая: «За что, Господи? Почему? Почему не я, почему она, такая молодая? Как ты это допустил? Где был ее ангел-хранитель, почему не сберег?». О том, что подобные вопросы задают все люди, потерявшие близких, я узнаю позже. В тот момент мне казалось, что так у Небес требую ответов только я.

Я не умела быть несчастной, этому мне только предстояло научиться.

На поминках народ расслабился. Видела множество молодых незнакомых людей. Красивых близких друзей Поли. Живых. Уйдя отсюда, они вернутся к своим делам, семьям – к своей жизни. У них все продолжится. У них все впереди.

Я слышала, как моя сестра что-то кому-то отвечает по моему телефону. Затем передает мне: «Звонила Жанна. Звонил Битов. Звонил Антон». Звонили еще какие-то знакомые. Я ни с кем не хотела говорить. Краем сознания отметила, что даже не сообщила о трагедии Антону, который считался моим мужчиной. В каких-то непересекающихся измерениях была моя убийственная боль и мои отношения с этим мужчиной – легкие, ни к чему не обязывающие, как положено в современном мире взрослых людей.

Вахтанг исполнял роль «тамады» на поминках. Или на похоронах это называется по-другому? Кто-то вставал с рюмками. «У Поли было столько планов», «Она была такая веселая, такая классная!», «Нам будет ее очень не хватать!», «Вероника, сил тебе!», «Ника, живи за двоих!». Как за двоих? Я не знаю, как за себя жить. И, главное, зачем?

Глава 4

Потом был путь на Украину, куда меня решила забрать сестра. Наверное, не рискнула оставить одну в Сочи или в Москве. Мне было все равно, куда и с кем ехать. Я помню поезд, потом такси из Ростова. По дороге сменяли друг друга дождь, снег, метель, словно мы ехали через все времена года. Я молчала. Как молчала потом все последующие дни.

Минуло девять дней. Сестра накрыла поминальный стол, пришли родственники. Я по-прежнему молчала – у рыдающего сердца нет голоса. Чувствовала, что близкие всерьез сомневаются в моей вменяемости.

Я не могла говорить, есть, пить, спать. Не могла жить. Я боялась просыпаться утром, если мне все же удавалось забыться на пару часов. Потому что в миг между сном и явью мне представлялось, что все хорошо. Но лишь открывала глаза, на меня обрушивалась жестокая правда.

Я сидела в квартире у сестры, обняв ее собаку, и по-собачьи выла и скулила – это были единственные звуки, на которые была способна. Умная собака смотрела на меня жалостливо, и у нее влажнели глаза. Мои были сухими. Она облизывала мое лицо, словно видела мои невыплаканные слезы.

А я представляла, как моя дочка сейчас одна лежит в сочинской земле рядом с пальмами, которые она так любила. Лежит мертвая в своем любимом городе... Она совсем одна в земле, а я, которая должна быть рядом с ней или, точнее, вместо нее, маюсь на этом, ставшем совсем черном, свете, схожу с ума, умираю и никак не умру. Зачем я здесь, в этом мире?

Позвонил Антон: «Возвращайся скорее! Я понимаю, там родственники и старые друзья, но твой дом в Москве, и я буду рядом». Антон звонил каждый день и даже порывался приехать. Я сказала: «Не нужно».

Жанна тоже звонила ежедневно, но даже с близкой подругой мне не хотелось говорить, да и о чем? Я могла думать только о дочке и о горе. Я всегда стремилась не напрягать собой людей. Наверное, поэтому их было так много в моей жизни. Приятели и приятельницы, хорошие знакомые, с которыми мы перезванивались, встречались в кафе, в компаниях, на тусовках, обсуждали новости. Теперь это так далеко от меня, так мелко. И это я называла хорошей жизнью? И была довольна ею? Может, правда, счастье в спокойной обыденности? Недаром же поэт в строках: «На свете счастья нет, а есть покой и воля» поставил слово «покой» впереди. Покой в повседневности и предсказуемости. Да, это и есть счастье. Которое мы всегда осознаем, только когда оно проходит.

Позвонил Битов. Справившись, как я и не нужна ли помощь, сообщил:

– Предложение о работе в корпорации в силе, а вам, Вероника Викторовна, как раз сейчас хорошо бы погрузиться в работу...

– Спасибо, Сергей Валерьевич, но сейчас не смогу работать с полной отдачей, – сказала я и привела важный аргумент. – И могу подвести вас.

Мне уже не нужна была престижная и высокооплачиваемая работа. Горе избавляет от амбиций. А на деньги мне теперь вообще было наплевать.

Накануне Нового года вышла на улицу. Бродила по украшенному к празднику городу, мимо сверкающих витрин, обходя суетливых людей с елками и яркими подарочными пакетами. Было 30 декабря. День, когда Поля должна была прилететь ко мне в Москву встречать Новый год.

Зачем-то вошла в охотничий магазин. Может быть, потому, что здесь праздник совсем не ощущался. Ружья, чучела, камуфляж.

Стояла у витрины с каким-то оружием и впервые увидела свое отражение. Бледная, с синяками под глазами, в кое-как повязанном на голову шарфе, я выглядела древней старухой.

Никто из знакомых сейчас не признал бы во мне симпатичную стильную женщину, которой я была совсем недавно. Буквально несколько дней назад. Но мне было наплевать.

– Вероника? – удивленно окликнул кто-то рядом.

Такой недоуменный вопрос мог задать кто угодно, потому что узнать меня прежнюю в этой измученной тетке было невозможно. Но кто мог позвать меня в украинском городе, где я родилась и прожила, наверное, лучшие годы, но не была так давно, что на случайную встречу с кем-то знакомым рассчитывать не приходилось?

Я медленно обернулась. Рядом со мной стоял высокий немолодой мужчина.

– Генерал? – не поверила своим глазам.

– Уже в отставке, – улыбнулся он, не отводя от меня глаз. Наверное, его удивил мой неприглядный вид, но он деликатно промолчал.

Мы познакомились, когда я только начала работать в областной молодежной газете и пришла к нему брать интервью – он занимал высокий пост в одной силовой структуре. Потом он красиво за мной ухаживал, и наши отношения переросли в роман, который продолжался вплоть до моего отъезда в Сочи. Спустя несколько лет я узнала от общего знакомого, что генерал потерял единственного сына, талантливого мальчика, который сгорел от лейкемии за месяц.

– Три недели назад у меня погибла дочь, – мне казалось важным сразу сказать ему об этом.

Он вздохнул, прикрыв глаза, и покачал головой.

– Пойдем, – он не стал выражать дежурное соболезнование, а взял меня за руку и вывел из магазина. Я вспомнила, что он был заядлым охотником и всегда с нетерпением ждал начала сезона, поэтому неудивительно, что оказался в этом магазине.

Мы подошли к его машине, он отпустил водителя, и мы медленно побрели по улице.

– Ты знаешь, что я тоже пережил трагедию? – спросил он.

Я кивнула и задала вопрос, который волновал меня сейчас больше всего:

– А как пережил?

– С обширным инфарктом, – усмехнулся он. – «Скорая» увезла меня прямо с кладбища. А потом? Потом я стал пахать, как проклятый, наплевав на запреты врачей. Проводил на работе сутки. Ходил домой только, чтобы сменить одежду.

– И это помогло?

– Нет. Когда я хоть на секунду отвлекался от дел, боль накатывала с новой силой. Мне казалось, что легче все время пребывать в этой боли, тогда она не вонзалась бы в меня так резко, стоило мне лишь немного оторваться от работы. Выходные проводил на кладбище, где пил водку и плакал. Да-да, не смотри на меня так, я рыдал, голосил, выл, как раненое животное. Я вообще отказался бы от выходных, но надо было подумать о подчиненных. Они ведь тоже торчали бы на работе, зная, что шеф здесь. Так продолжалось три года. Потом стало не то чтобы отпускать... я научился жить с горем. Так, наверное, человек научается жить с постоянной физической болью или с увечьем.

– Не могу плакать, совсем не получается, – призналась я. – Думаю, может, сходить к психотерапевту?

– Попробуй. Мне тоже наш врач конторский предлагал, но я не пошел. Не верю мозгокопателям. Всегда считал, психотерапия – что-то сродни шарлатанству. Да и вообще пускать кого-то в свою голову мне казалось странным. Время, Ника, только время.

– Догадываюсь, что время, – кивнула я и грустно усмехнулась. – Как поется в старой песне, надо только выучиться ждать, надо быть спокойным и упрямым... Но сейчас не знаю, как мне дожить до того времени, когда станет легче. Я словно хожу с открытой раной, или я сама вся рана, с меня содрана вся кожа, и мне все время больно, печет и дерет... Это невозможно терпеть.

Пошел крупный снег, дети рядом с нами восторженно визжали и ловили ртом снежинки. Я не могла слышать детские голоса. Кажется, превращаюсь в уроду не только внешне, но и внутри. Не хочу смотреть на детей. На счастливых родителей. Не могу вас всех видеть! Убирайтесь с моих глаз!

Генерал взглянул на мое лицо и, обняв за плечи, подвел к ресторану. В другой жизни я бы смутилась, что не одета для вечернего выхода, но сейчас меня мой вид вообще не волновал. Он что-то заказал, не спрашивая меня. И правильно, я все равно не могла проглотить ни кусочка. Мы выпили водки. «Царствия небесного нашим детям»... Это было запредельно противоестественное, это было что-то совершенно немыслимое, античеловечное – пить за мертвых детей... Наш с ним персональный ад, заточивший нас за этим столом и отгородивший от благополучной празднующей публики.

Рядом какая-то компания гуляла на корпоративе. Девушки набросали на волосы блестящий снежок из фольги, некоторые мужчины были с разноцветными гирляндами на шеях. Счастливые, в меру трезвые люди. Повеселятся, а потом домой – к предновогодним хлопотам, таким приятным, желанным.

А мы молча выпили еще и еще. На какое-то время боль стала чуть глуше, и у меня мелькнула мысль: может, просто пить и пить, если это хоть немного помогает? Пить и спиться к чертям собачьим?

– Еще я тебе хочу сказать, Ника, чтобы ты не удивлялась – некоторые знакомые начнут тебя сторониться, – произнес генерал. – Люди не хотят чужого горя, всем нужен такой модный сейчас позитив, – невесело усмехнулся он.

– Сейчас вроде бы многие сочувствуют, предлагают помощь, – сказала я.

– Это сейчас, – согласно кивнул генерал. – Так и бывает. В первый момент люди считают своим долгом посочувствовать и помочь. Но на этом их миссия часто заканчивается. Так что будь готова: в какой-то момент ты можешь остаться одна со своим горем. Главное, чтобы близкие друзья тебя не предали.

Мы пили, и меня уже не так донимали веселые голоса вокруг. Хотя корпоратив гулял во всю ивановскую. Алкоголь вдруг перестал казаться мне чем-то неприличным. Ведь только ему удается притупить боль.

Генерал отвез меня к сестре.

31-го декабря я постаралась напиться еще до того времени, когда все счастливые граждане садятся за праздничные столы. Мой любимый Новый год стал для меня ненавистным. Когда в небо взмыли фейерверки, я уже спала нездоровым хмельным сном.

Глава 5

Я ходила по городу, и ноги несли меня то к дому, куда мы с мужем привезли новорожденную дочку, то к старому загсу, напротив наших окон, куда мы, счастливые, юные, бесшабашные, пошли регистрировать нашу малышку и в последний момент решили назвать ее Полиной, хотя дома всем объявили, что у нас Катя.

Наш очень ранний брак с Полиным папой продлился недолго, как и большинство браков по первой любви. Мы развелись, когда Поля была совсем маленькой, а вскоре ее отец погиб в автокатастрофе. Поля его и не помнила.

Шла к детсаду, в который водила дочку, к школе, куда она пошла в первый класс. У меня холодели руки, когда я вспоминала, как она, маленькая, увидев большое офисное здание с кондиционерами, поинтересовалась: «Мама, а кто это туда столько скворечников навесил?». «Ой, мама, а в садике нас кормили этими, ну как их, на боксерские груши похожими, а, вспомнила, баклажанами». «Мама, а почему в “Курочке Рябе” дед и баба плачут, когда яичко разбилось, они же сами били-били – не разбили, поэтому должны радоваться, что оно разбилось?».

Я передвигалась по городу как слепая. То и дело слышала визг тормозов и мат водителей, потому что не разбирала дороги. Чудом не оказалась под колесами.

– Ника, поешь что-нибудь, – уговаривала меня сестра. Я не могла прикоснуться к еде. Вид сладостей у меня, прежде страшной сладкоежки, вызывал тошноту.

Когда в один из дней я собралась надеть джинсы, оказалось, что они спадают. Я решила купить что-нибудь подходящее в ближайшем магазине. Но увидев ряды одежды, тут же выбежала прочь. Меня мутило, дрожали руки, на лбу выступил пот. Клиника. Я психопатка. Шопингом мы занимались только с дочкой, и я теперь не могла взять в руки какую-нибудь шмотку. Даже не могла смотреть на витрины. Прodelа в джинсы пояс и затянула на себе. Сойдет.

На 40 дней мы накрыли стол. В центр поставили пучок свечей, а одну из них – самую высокую – зажгли. Пришли родственники, друзья, моя близкая подруга Алена. Вспоминали Полю, кто какой ее запомнил. Сидящая рядом со мной родственница, видя, что я замерла над полной тарелкой и даже не пытаюсь что-то съесть, наклонилась к моему уху: «Матери надо поесть. Это значит – накормить...».

В один из моментов, когда за столом повисла тишина, внезапно вспыхнул весь пучок свечей. Это было необъяснимо – зажженная свеча никак, ни малюсеньким огоньком, не соприкасалась с пучком. Все громко ахнули. «Душа отлетела», – проговорил кто-то. У меня все поплыло перед глазами...

Приехал мой приятель Сережа из Москвы. Мы дружили лет пятнадцать, еще со времен моей жизни в Сочи. Первым он переехал в Москву, а через пару лет и я.

– Почему мне не сказали о трагедии? Я бы поехал с тобой в Сочи на похороны, – попенял мне Сергей.

– Мне не до того было...

– Но Жанна-то могла позвонить, раз сама не захотела ехать!

Я пожалала плечами. Мы с Сергеем гуляли по городу. Зашли в маленькую кофейню. Всего три столика, зато в меню не меньше пятнадцати наименований кофе.

– Вам надо попробовать и этот сорт, и этот, – официантка указывала в меню на мудреные названия с подробным описанием способа приготовления. – А эти два дают удивительный прилив энергии.

Сергей заказал нам по пять чашечек разного, в том числе и того, энергетического, несмотря на мои протесты: куда же столько?

– А потом, девушка, – обратился он к официантке, – когда мы обопьемся ваших кофейных энергетиков, будем летать вдоль вашего длинного проспекта. Какая у него длина, Ника? Пятнадцать километров вроде?

Сережа всячески пытался расшевелить меня, вывести из ступора, но это было непросто. Хотя пару раз смешными рассказами он вызвал мою улыбку, да и то вымученную. Когда мы, осилив весь кофе, пошли гулять по городу, чтобы я могла показать Сереже достопримечательности, он то и дело мне говорил:

– Знаю, ты опять хочешь кофе!

Это значило, что мы должны найти какое-нибудь заведение с туалетом.

Конечно, приезд Сережи, моего доброго друга, с которым мне всегда было легко, немного отвлек от бесконечно тягостного молчания и постоянной погруженности в черную пустоту.

Все это время нам удавалось скрывать от мамы гибель внучки. Мне приходилось напрягать последние остатки воли, чтобы на ее вопрос: «Как там Поля?» отвечать: «В порядке». Или просто покидать комнату и несколько минут, уткнувшись лбом в стену, приходиться в себя.

Но вдруг мама случайно увидела газету с соболезнаванием (когда-то в этом издании я начинала работать журналистом). Мне позвонил Петр Иванович, отчим: «Ника, с мамой плохо». Я примчалась, когда «скорая» увозила ее в больницу. Она была без сознания. Врач, вышедший к нам, сказал:

– Инсульт. Готовьтесь к худшему – начинается отек мозга.

Отчим заплакал, я продолжала стоять каменным изваянием. Потом догнала врача:

– А может, она все-таки очнется, может, еще поправится? – заглядывала я ему в глаза.

– Это будет медицинской сенсацией, – цинично ухмыляясь, ответил он.

Сенсации не произошло. И – у меня не стало мамы. Теперь и мамы...

Петр Иванович плакал не переставая. «Как я теперь без нее, как?» – спрашивал он меня. Я молчала. У меня крутился в голове вопрос: «А как я без дочки теперь?». В горе люди эгоистичны, я уже поняла.

Мама и Петр Иванович были счастливы вдвоем – почти три десятка лет. Я не знала другой такой гармоничной пары: они словно выросли друг в друга, точно сложились две пресловутые половинки. У них было тихое спокойное счастье, сотканное из трогательных мелочей. Укрыть одеялом, если кто-то один задремал. Рассказать что-то смешное, подсмотренное на рынке или в магазине. Порадовать потешным сюрпризом в обычный, ничем не примечательный день. У мамы на тумбочке у кровати всегда стояли цветы.

Когда они одновременно вышли на пенсию, то Петра Ивановича, отличного специалиста, то и дело вызывали на работу. Так он и работал еще лет 12 на пенсии. Мама, любительница поспать, всегда вставала чуть свет, чтобы приготовить ему завтрак и поцеловать перед уходом. И даже неизменное от Петра Ивановича: «Что ж ты встала так рано?» тоже было частью ритуала счастливого супружества.

Когда мама стала болеть, отчим взял на себя всю домашнюю работу. На даче Петр Иванович засеял участок между деревьями густой травой, чтобы мама могла ходить босиком, пока он работает в саду.

Были бы они так же счастливы, если бы встретились в ранней молодости, растили детей? Не знаю. Знаю только, что у мамы с моим отцом, который умер в 45 лет, не было таких трепетных отношений. Она называла его полным именем «Виктор», а Ивановича без капли насмешки «чудо мое». Они встретились, когда дети стали самостоятельными, и никто не претендовал на их внимание, на их заботу. Они жили друг для друга. Подруги, которых у мамы было много, ей, понятное дело, завидовали. Любая из них тоже хотела бы такого мужа. Но такой был только у моей мамы. Иванович шутил, когда мама с подружками собирались на девичники, называя их «бабешниками»: «Какие девишники? Тоже мне девочки! Вы же все бабки!».

Но больше всего они любили тихие вечера вдвоем. Приготовят что-нибудь вместе, красиво накроют стол, нальют в маленький графинчик домашнего вина и говорят, говорят друг с другом, и все не наговоряется. Когда приходили гости, принимали радушно, но чувствовалось, что не могли дожидаться, когда гости разойдутся и они останутся вдвоем. Читали одни книжки и смотрели одни фильмы. И вот теперь Петр Иванович потерял свою драгоценную половинку.

Я снова сидела у гроба, на этот раз открытого. Не узнавала в этой враз постаревшей женщине свою красивую даже в преклонном возрасте маму.

Она не успела даже сказать мне слов утешения, не узнала, как погибла ее внучка, не прочувствовала всего ужаса горя...

Долго ехали в катафалке на новое загородное кладбище. Мы с сестрой прижались друг к другу и взялись за руки. Мамина подружка, которую я всегда немного недолюбливала за резкость, за то, что могла рубануть сплеча какую-нибудь неприличность, как говорится, что в голове, то и на языке, тоже влезла в катафалк и уселась у гроба. Она и теперь выдала:

– Да, Вероника, изменилась ты, постарела, что ли...

– Ты думай, что говоришь! – шикнула на нее другая мамина подруга, тетя Лида. – Вероника ребенка похоронила, сейчас мать хоронит... Ни стыда у тебя, ни совести!

Потом тетя Лида зашептала мне на ухо:

– Ох, уже эти подруги! Сейчас будут нарезать круги вокруг Иваныча. Обзавидовались же их счастливой жизни! Вот такие они, бабы! Правду говорят, что никто так больно не предаст, как лучшая подруга!

Я снова бросала землю на крышку гроба. Поймала себя на ощущении, что завидую маме: ей уже не больно, и, если загробный мир существует (мне нужно было в это верить!), она сейчас вместе с любимой внучкой. А я здесь. И обречена терпеть этот бесконечный ужас, неприкаянной сущностью шатаюсь среди живых людей.

Я всегда считала себя сильной, очень сильной. Но смерть была сильнее меня. И глухое отчаяние, которое теперь стало моим привычным состоянием, и боль, которая не отпускала ни на минуту, теперь тоже всегда были со мной, злыми тенями, жестокими попутчиками, вцепившимися в меня жалящими когтями.

Глава 6

Я теперь часто ходила на кладбище. К папе, который умер от рака в день своего 45-летия. Я уже его ровесница...

Когда папы не стало, мне не было двадцати, сестре исполнилось пятнадцать. И спустя годы, десятилетия, мы часто говорили с ней о том, что жизни наши сложились бы иначе, будь жив папа.

Папа был удивительным. Руководил конструкторским бюро, в котором все работники были его друзьями. Немногословный, но его редкие слова всегда были точны и бесспорны. Слово-золото, говорят о таких людях.

Человек невероятного обаяния, папа, где бы ни оказывался, притягивал к себе людей. Стоило ему съездить в турпоездку в Болгарию – и в старую компанию родителей тут же влились несколько супружеских пар.

Папа никогда никого не критиковал. Ни одного плохого слова я не слышала от него в чей-то адрес. Если при нем начинали сплетничать, он тут же, ссылаясь на внезапно возникшие дела, уходил.

Ему, подозревала я, не очень нравился мой ранний брак и модный красавчик, выбранный мной в мужа. Но папа ни единым словом не дал это понять. Я знала, что для своей прекрасной и умной дочки, какой он меня видел, папа желал какой-то невероятной партии. Принца на белом коне. Рыцаря в сияющих доспехах. Слово предчувствуя свой ранний уход, папа хотел, чтобы рядом со мной был настоящий мужчина, на которого он с легким сердцем мог бы меня оставить.

Папа первым узнал о своей болезни и долго скрывал ее от нас, даже когда ему делали операцию. «Полипсы выросли, их уберут и стану как новенький», – успокаивал нас. Врачей попросил не говорить семье о диагнозе. Не хотел волновать.

Жуткую раковую боль он терпел невероятно стойко. Лишь изредка, незаметно заглянув в комнату, я видела, что он упирается коленом о кресло и молча раскачивается. Потом поняла: когда он склоняется над креслом – боль нестерпима.

Когда папы не стало, проводить его пришли врачи из онкологии. Люди, привыкшие к смерти, хоронили именно этого пациента, которого не сумели спасти. И даже на годовщину мы застали докторов у могилы. Невероятная для врачей память об ушедшем больном.

Сохранился папин блокнот, куда он записывал свои мысли или интересные афоризмы, цитаты из книг, стихи. Открывают блокнот слова песни «Русское поле». Почти печатные буквы, не переходящие одна в другую. Почерк инженера-конструктора, человека цельного, четкого, прочно стоящего на земле. «Здравствуй, русское поле, я твой тонкий колосок».

Папа родился в деревне, в город уехал учиться в 15 лет. В селе у дедушки и бабушки мы с папой часто гуляли полями, он помогал распознать норки сусликов, увидеть подрагивающую стрекозу на цветке, петляющую тропинку в высоких колосьях – и мы угадывали, то ли человек прошел, то ли заяц пробежал. Учил меня различать голоса птиц, узнавать по облакам и ветру завтрашнюю погоду, плавать в деревенском пруду, который местные называли «ставок». Время с папой было счастьем.

Я чувствовала, что мама не любила папу. Жила с ним, рожала, но не любила. Я не могла понять, как можно не любить такого прекрасного, такого идеального мужчину? Петр Иванович совсем другой: простецкий, незамысловатый такой дядька, хоть и добряк. А папа с его глубоким и сложным внутренним миром, наверное, был непостижим для мамы. Но это я поняла позже.

Теперь я часто приходила к папе, гладила его лицо, высеченное на памятнике, и просила: «Папочка, позаботься ТАМ о своей внучке». Внучка родилась через несколько месяцев после смерти папы. Не дождался.

Еще ходила на старинное городское кладбище, названное почему-то Капустиним, на могилу бабушки и прабабушки со стороны мамы. Деда, крупного сибирского начальника, забрали в 1937-ом. Расстреляли через месяц. Бабушка была беременна мамой. Из хорошей квартиры ее тут же выгнали на зимнюю морозную улицу.

Бабушка уехала в Среднюю Азию, где спасалась от репрессий моя прабабушка. Выпускница института благородных девиц, в роковые 30-е прабабушка работала учительницей русского в школе на окраине районного городка.

Прабабушка умерла, когда мне было 12 лет. Я ее хорошо помню. Она ушла в мае. Цветла черемуха. И все приносили пахучие ветки к гробу. С тех пор запах черемухи напоминает мне о прабабушке, но не о ее похоронах, как вроде бы должно быть, а о ней живой. Помню ее высокой, статной, сидящей с прямой спиной в плетеном кресле, укрытой по пояс старым пледом и с чашкой кофе в руке. И еще помню брошку-камею у воротника ее старенькой кружевной блузки.

Прабабушка и бабушка жили в коммунальной квартире с соседкой тетей Клавой, своей нравной и громогласной. Когда бабушки хотели оправдать какую-то резкость тети Клавы, меж собой называли ее «краснокосыночницей». Я тогда не понимала, почему, ведь тетя Клава никогда не носила красных платков, а все кричаще цветастые. Позже узнала, что краснокосыночница – значит, активная большевичка. Радикальные революционерки покрывали свои отчаянные головы кумачовыми платками, чтобы все сразу узнавали победительниц-пролетарок.

В детстве я часто сидела в комнате бабушек под круглым столом, покрытым зеленой бархатной скатертью с бахромой. Нити заплетала в косички, слушая политические (правда, слова такого тогда не знала) споры прабабушки и тети Клавы.

– При царе-кровопийце люди были несчастны, забиты, а Ленин дал им свободу! – громогласно доказывала тетя Клава.

– Какую такую свободу получили вы, Клавушка? – тихо спрашивала прабабушка, и я из-под своего укрытия видела ее спокойную полуулыбку и тонкую руку, перебирающую кисти шали. – Тяжелейшая работа всю жизнь на овощебазе, с раннего утра до поздней ночи? Больные руки и распухшие от холода суставы? И, позвольте...

– Не позволю! – вскрикивала тетя Клава и бахала кулаком по столу, отчего я под ним втягивала голову в плечи.

Тем не менее они были не просто подругами, а родными людьми. Тетя Клава стала членом нашей семьи, точнее, семьи бабушки и прабабушки. Она питалась вместе с ними – на их деньги, готовила, а на свою пенсию каждый день ходила в соседний кинотеатр (билет стоил 20 копеек), и потом подробно пересказывала сюжет прабабушке, которая никогда в кино не ходила, а читала старые книги, сидя в кресле у окна.

Тетя Клава ненадолго пережила мою прабабушку. Умирала наша «краснокосыночница» от рака – тяжело, без обезболивающих, которые ей почему-то не прописали, кричала по ночам, а за руку ее держала моя бабушка.

Перед самой кончиной тетя Клава сказала ей:

– Встречу там Верушку, прощения попрошу за всё, за всё...

Вероникой меня называли в честь моей величественной прабабушки.

Я сидела у могил бабушки и прабабушки, говорила с ними. И тоже, как папу, просила встретиться с моей девочкой, быть рядом с ней, а то вдруг ей там плохо, страшно, одиноко?

На кладбищах, среди дорогих покойников, мне было легче, чем среди живых людей. Да и ушедших близких уже было больше, чем живых.

К психотерапевту я все-таки пошла. Средних лет импозантный мужчина сразу спросил:

– Сколько прошло времени?

– Меньше двух месяцев, – ответила я.

– Простите, не смогу сейчас помочь, – признался он. – Вам надо к священнику.

К священнику я долго не решалась. Потому что вообще не понимала, как и почему люди, пережившие смерть близких, самое страшное – смерть детей, становятся истовыми верующими? Ведь зачем теперь-то? О чем просить Бога, как ему верить, если самое ужасное, что могло случиться, уже случилось? Нужен ли несчастным такой Бог, который столь жесток к ним? Ведь если все на Земле во власти Бога, значит, и трагедии тоже? Они Им посланы? Как же любить такого Бога? Мне в этом внезапном обращении к вере после катастрофы виделся какой-то «стокгольмский синдром», привязанность к мучителю. Прости, Господи, за кощунство!

Я знала одну супружескую пару. Их единственный сын в 20 лет умер от скоротечного менингита. Родители стали ходить в церковь, практически жить в ней, не пропуская ни одной службы, выполняя все церковные правила. Муж, в прошлом преподаватель научного коммунизма, суровый, немногословный, бросил работу, отрастил бороду, стал петь в церковном хоре. Жена, когда-то веселая, шумная, даже разбитная женщина, любительница выпить, покурить и пофлиртовать, вдруг повязала косынку, стала послушной прихожанкой, ездила во всевозможные паломничества, прибирала в церкви. Я могла объяснить такой разворот стремлением забыться, получить какое-то спасение от изматывающего чувства вины перед погибшим ребенком: недоглядели, пропустили болезнь, не спасли. Особенно мне было понятно про вину, неизбывную, которая меня тоже давила. Ведь если бы я полетела к дочке, если бы была с ней, она осталась бы живой. Если бы, если бы... Нет в реальной жизни никаких «если бы»!

Чувством вины можно себя уничтожить, затретировать, довести до помешательства, это да, но при чем тут Бог?

К отцу Алексею меня привела моя подруга Алена. Она давно его знала и рассказала обо мне. «Он сам попросил об этой встрече», – сказала Алена.

Что ж, пойду к любому, кто сможет хоть немного меня утешить.

Я знала, что отцу Алексею всего 38, у него шестеро детей. Он активный пользователь «Фейсбука», а его матушка – «Одноклассников». Я понимала и приветствовала такую общительность служителя церкви, но сомневалась, что он сумеет мне помочь. Что этот благополучный человек знает о трагедиях, ведь в его жизни не было ни одной?

Отец Алексей встретил меня у храма, перекрестил со словами «Спаси, Господи» и обнял. Потом взял за руку и повел в какую-то маленькую боковую дверь, в помещение с иконами и лавками. Наверное, это был кабинет священника.

– Знаю, дорогая Вероника, что вы задаете себе вопрос «почему»? – сказал он, держа меня за руки.

– Именно так. И еще – за что? За что Господь наказал нас? Почему он меня и дочь так не любит, что мы плохого ему сделали?! – я говорила громко, резко, да что там – попросту грубо.

– Господь никого не наказывает, Вероника, Господь любит всех. И важно понять, что у Господа нет мертвых, у Него все живы, – проговорил батюшка, не отпуская моих рук. – Запомните: у Господа все живы! А кому и когда уйти в вечную жизнь, это решает только Господь. Не несчастный случай, не стечение обстоятельств.

– Но ведь моя дочь была так молода, почему ей не побыть еще на земле? Почему Господь не позволил ей жить? Почему он решил, что довольно? – Я бросала слова, злясь не только на Бога, но и на батюшку, который защищал непостижимое злодеяние.

Я отвела взгляд и посмотрела на иконостас. В глазах святых не видела ни любви, ни сострадания. Может быть, даже укор. Вы меня еще и упрекаете? Может быть, я ошибалась, потому что очень злилась. К человеку в злобе не может проникнуть никакое позитивное чувство. Я перевела взгляд на батюшку.

– Мы не знаем промысла Божьего, почему и когда он позволяет уйти в другой мир тому или иному человеку, – он говорил спокойно и уверенно, глядя мне в глаза. – Бог с нами не для того, чтобы предотвратить несчастья. Не для того, дорогая Вероника! Он для того, чтобы помочь нам достойно пережить их.

Я хмыкнула и покачала головой.

– Но вы должны знать, – продолжил он, – что вашей дочери сейчас хорошо, она там, где все есть, она в спокойном, светлом месте, просто поверьте мне, – батюшка говорил тихо, в его добром взгляде я видела понимание и необъяснимую, учитывая его молодой возраст, мудрость. – Я уже молился за Полину, и буду молиться всегда. Ей там хорошо, Вероника!

Я с недоверием смотрела на него. Он, конечно, чувствовал это.

– Если бы я мог частичку своей убежденности в том, что говорю, вложить в ваше сердце, был бы счастлив.

– Попробуйте вложить, батюшка, потому что я не знаю, как дальше жить, если жить совсем не хочется. Почему *Он* не забрал меня? Почему ее, ну почему не меня?! – я уже кричала. Я ничего не могла с собой поделать.

– Значит, вы еще не выполнили своей миссии на Земле, – спокойно объяснил он.

– Да какую же миссию выполнила моя дочь?! – возмутилась я. – Она ничего не успела, даже стать мамой, даже полюбить по-настоящему!!!

– Дорогая Вероника, мы не властны познать волю Божию, – он был терпелив, этот молодой священник. – Иногда Господь забирает человека, чтобы уберечь от какого-то большого греха. Мать декабриста Рылеева, когда он в детстве заболел, молилась Господу только о том, чтобы мальчик выжил. И было ей видение. Сынок поправился, выучился, стал офицером, в Петербурге стал участвовать в сомнительных тайных кружках. В конце концов, вышел на Сенатскую площадь, чтобы свергнуть царя, и за это преступление был повешен. Все это матери Рылеева открылось в видении. Но она все равно молила Господа даровать жизнь ее маленькому сыну. И ребенок выжил. Ну а потом, как вы знаете, все случилось так, как ей привиделось много лет назад. Ее сын был повешен.

– Возможно, Рылеев умирал счастливым, и так видел свою миссию, свое предназначение, – возразила я.

– Представьте, что чувствовала мать Иисуса Христа, когда на ее глазах сына истязали и прибивали гвоздями к кресту. Подумайте о ее страданиях. Божья Мать знает ваше горе, понимает его, она поможет вам преодолеть уныние и скорбь, Вероника.

– Что мне делать, батюшка, что?

– Молиться за свою дочь. Мы должны молиться за тех, кто сам за себя помолиться не может. А они, наши близкие, помогут нам. Дети, ушедшие раньше родителей, становятся их ангелами-хранителями и направляют их жизнь к спасению.

Мы тогда долго проговорили. Я уже не была такой колючей и непреклонной, как вначале. Увидела искреннее душевное участие (в этом я не могла ошибиться, такие вещи чувствую) – и оно подействовало на меня почти гипнотически.

Напоследок батюшка посоветовал мне исповедоваться, дал книгу с молитвами, объяснил, как нужно подготовиться к причастию. А потом повел к иконам и прочитал какие-то неизвестные мне молитвы. Мне показалось, взгляд святых стал мягче.

И то ли мне повезло со священником, то ли проникли в сознание его тихие слова и заверения, что Поле хорошо там, то ли сыграло роль мое отчаянное желание все это услышать, – но после разговора мне действительно стало чуть легче. А когда через несколько дней я исповедовалась и причастилась, что-то потеплело внутри. Я уже не была безумно мечущейся в невидимых миру страданиях несчастной матерью. Мое отчаяние не ушло, но стало не таким беспросветным, что ли. Другим.

Когда я шла на литургию, моросил холодный дождь. А когда вышла на крыльцо после причастия – выглянуло солнце, и его луч затеплился на моей щеке.

И тогда впервые заплакала.

С тех пор стала ходить в церковь. Мне казалось, что это единственное место, где смиряешься, понимая: ничто от нас не зависит, на все воля Божья. Судьба человека расписана с момента рождения. Может быть, так утешаешься, может, обманываешься. Но ведь чуть легче. Для меня даже одна капля успокоения была даром.

И да, я стала понимать людей, которые после потери детей обратились к Богу.

А к кому еще?

Глава 7

Я вернулась в Москву. Очень боялась войти в свою некогда любимую квартиру, где услышала самое жуткое известие. Может, даже не смогу теперь здесь жить?

Спасибо Жанне: она вызвала уборщицу, и та навела идеальный порядок. Даже мебель переставили.

Жанна перебралась ко мне. Она обещала моим родственникам пожить со мной какое-то время – такой была официальная версия ее переезда ко мне. На самом деле у нее не ладилось в семье, и не только с мужем, но и с мамой, и со взрослой дочкой. Я знала, что Жанна не очень комфортный для людей человек, в том числе, самых близких. У нее были сложности и на работе. Возраст ее приближался к пятидесяти, и хотя кучу денег она отдавала косметологу, но паспортные данные от отдела кадров и руководства не скроешь. А ее начальник, сам пожилой, предпочитал видеть на работе молодых, красивых сотрудниц, пусть даже не очень способных. Впрочем, разве только там, где работала Жанна? Так теперь было почти во всех компаниях. Отсутствие талантов зачастую искупается молодостью и привлекательностью. Время моделей.

Еще была у Жанны неприятная черта – завистливость, увы, заметная окружающим. Пораженного этой напастью человека всюду ждут огорчения. Я чувствовала, что и мне она завидовала. У меня и квартира элитная в престижном районе, а она жила с семьей в унылом подмосковном городке, и нужные связи у меня (столь важные в столице), и приятелей-друзей немало, а у Жанны, по сути, никого. Только я. Это и удивляло, и обязывало. Я жалела Жанну – жить в зависти тяжело и разрушительно для психики.

– Представляешь, – жаловалась она мне, – этот Алдошин, дурак дураком, а ездит на «ренджровере»! А я после работы на маршrutку иду.

– Но ты же можешь купить себе машину, – возражала я.

– А когда мне на курсы вождения ходить? – раздраженно отвечала она. – Ты же знаешь, что я с утра до ночи на работе!

Это правда – работе она отдавалась самозабвенно. Но знала я и другое: если человек хочет, то ищет возможности, а не хочет – причины, почему не удастся. И злится на других.

Собрались погулять впервые после моего возвращения. Я посмотрела на себя в зеркало. Глаза затравленные, уголки губ опущены, бледная поганка. Я наложила тональный крем, немного румян. Жанна наблюдала за мной. «Неважно выгляжу, да?» – спросила я. Она ответила с какой-то непонятной злостью: «Да тебе ничего во вред не идет!». Я опешила. Что она имела в виду? Но я отбросила вопросы, решив: наверное, это просто слова, пустое, не бери в голову.

Но, несмотря на некоторые малоприятные Жаннины качества, мы как-то притерлись друг к другу, и разногласий у нас почти не было. Хотя безусловной откровенности, душевной близости, полного доверия, того, что составляет настоящую дружбу, – тоже. Да и как иначе, если мы стали общаться всего-то несколько лет назад, да еще в таком не очень-то дружелюбном, даже жестком к «понаехавшим» городе как наша столица, где надо всерьез побороться за свое устройство, благополучие, карьеру. Искренность в такой атмосфере затруднительна. Но совсем уж в одиночек люди превращаться не хотят, вот и строят дружбы, как могут, и с теми, с кем получается. Даже не дружбы, а, скорее, контакты. Как говорят? «Дай мне его контакт». Это о большем, чем номер телефона. Дай контакт, есть контакт! Точки соприкосновения. Точнее, касания. И достаточно.

Мегаполис требует компромиссов. И ты закрываешься, прячешься. Чтобы не стать уязвимым. И со временем все меньшеходишь на себя прежнего, настоящего. Так удобнее. Так можно выжить в этом тяжелом городе.

Я понимала, что это неправильно. Не по-человечески. Но, казалось мне тогда, таковы негласные правила выживания в столице. А не нравится – езжай туда, откуда прибыл, где твои душевные друзья или родственники и где ты можешь позволить себе быть самим собой. Не хочешь? Замахнулся на Москву? Ну, терпи, приспособляйся, меняйся, наращивай мускулы, мимикрируй.

Потом пойму, что была неправа, соглашаясь на суррогат дружб и отношений. Удостоверюсь, что лицемерная жизнь – вовсе не залог благополучия. Полезнее не врать себе, открыть глаза... Но до этого было еще далеко. Мир заготовил для меня много граблей, на которые я еще не наступала.

И все-таки я обожала сложную и прекрасную Москву, завидуя тем, кто в ней родился. Как это здорово – детство в Москве. Особая благодать, подарок судьбы, отметина на всей дальнейшей жизни. Когда помнишь московские улочки, парки, свой старый дворик, соседей, истории друзей, праздники, катки, кружки, новогодние елки, по-столичному роскошные.

Ну, а в Москву пришла ранняя весна. Зима, конечно, сопротивлялась, не позволяя еще слабому, но с каждым днем все более яркому солнцу стирать снег с затененных уголков, стараясь накрепко удержать на небе надоевшие за блеклую зиму унылые сероватые, как свалявшаяся старая вата, тучи. Но весна настойчиво наступала, и даже в метро, этом скопище мрачных людей, вместилище продуктов глубокой заморозки, какими выглядели пассажиры, было все больше ярких одежек да изредка мелькали улыбки.

Весна придет, и лето за ней. Первые весна и лето без Поли...

Я ходила с Жанной по дорогим магазинам. Мы выискивали ей новый гардероб. Мне до магазинов и гардеробов не было никакого дела, но ведь надо же куда-то ходить. Главное, не оставаться одной. Слушала Жаннины рассказы о разборках и интригах на работе, конфликтах с начальником-самодуром. Кивала на ее речи о гениальных идеях, которые она выдает, только не ценят, о том, что не воздается ей по заслугам ни одобрением начальства, ни зарплатой (которая, на мой взгляд, у Жанны была более чем приличной).

Иногда Жанна была просто смешна. Железная леди, жесткая, резкая, она вычитала у одной гуру светской моды совет: надо быть плавными, девушки, всем плавать! (Светская львица только не уточнила, как добиться, чтобы плавность не перетекла в жеманность.) И у Жанны появились несвойственные ей доселе томность и леность в движениях. Ложку, чашку, сигарету она теперь подносила ко рту целую вечность, прикрыв глаза. Наши общие знакомые за глаза, я знала, высмеивали эти новообретенные манеры, не сочетающиеся с ее стальной натурой. Как заметил наш знакомый, «фундаментальный фонарный столб решил вдруг украсить бантиками и цветочками». Я юмористов одергивала: когда при тебе хихикают над твоей подругой, то на очереди – ты.

Подсказать, посоветовать Жанне не могла – она не терпела никакой критики. Мог случиться скандал.

На работе, когда требовались срочные быстрые действия, Жанна, очевидно, забывалась, и жеманная барышня превращалась в тигрицу, наводящую оторопь на подчиненных. Она с явным удовольствием рассказывала, как ей удалось заставить побегать разленившийся народ. Но вне работы девушка плавноела всюю.

Я старалась не говорить с Жанной о Поле, тем более что Жанна как-то задумчиво произнесла: «Как несправедливо, всего-то нескольких секунд не хватило, чтобы ее спасти, какие-то секунды решили все...». «Не надо, Жанна, – почти простонала я. – Очень тяжело...» «А мне разве легко?» – она взглянула на меня. Сравнила, да. Я ничего не сказала, а только подумала: как странно, что порой у образованного и умного человека вдруг появляется грубая прореха на месте, где должна быть чуткость. Лучше не делиться, молчать, носить в себе. А может, просто не было рядом того, кто все понимал бы без слов.

Я понимала, что нельзя страдать на людях. Это только твое горе. «Всегда помни это», – говорила я себе.

Мне вспомнился прочитанный когда-то рассказ очевидца, который присутствовал в тот момент, когда пожилой паре британских аристократов сообщили о гибели их единственного сына. Супруги сидели за столом и, услышав о страшном, не переменили ни поз, ни выражений лиц. Очевидец был ошарашен невероятным самообладанием и достоинством этих людей. Понятно, родители онемели от горя и уж точно не стремились произвести впечатление на публику. Это было, если так можно сказать, красивое горе. В отличие от завываний в наших деревнях, где на похороны до сего времени приглашают профессиональных голосистых плакальщиц.

Весной мне не стало легче. Наоборот. На солнечных улицах я вдруг замечала девушку со светлыми волосами на прямой пробор, как у Поли... Походку, как у Поли... Куртку, как у Поли... Мне все время казалось, что я ее встречаю. Потом, когда я стала читать о том, как люди переживают горе, поняла, что многим мерещатся на улицах ушедшие близкие. Какая-то жестокая игра подсознания или издевательство бесов, побуждающие раненого человека то и дело вздрагивать и страдать еще сильнее. Хотя куда уж сильнее...

Я почти не могла спать. И решила снова попытаться счастья с психотерапевтами.

Полная женщина сразу понравилась своей, так сказать, простоватой доброй дородностью, и, наверное, прилагающейся народной бабской мудростью. Но, выслушав мой рассказ о трагедии, она сказала: «Вероятно, вы сами как-то предопределили для дочери такую судьбу». После этих слов я встала и вышла.

Но все равно еще не готова была ставить крест на психотерапии. Наверное, попался врач-вредитель. Такие бывают: недоучился, ума маловато, окуклился в работе, не умеет чувствовать людей, не способен к эмпатии. Эмоциональная тупость – нередко следствие профессионального выгорания.

Но помогают же психотерапевты американцам, у каждого персональный. И чуть что – на кушетку. «Вы хотите об этом поговорить?»

Я записалась к другому врачу. Ее порекомендовали знакомые, правда, они не были ее пациентами. Стильная молодая женщина, бравшая за свои услуги 100 евро в час (в валюте обязательно), стала говорить о том, что любая смерть – это выбор погибшего человека. «Но это был несчастный случай!» – ошарашенно возразила я. Психологиня не сдавалась: даже внезапная смерть, несчастный случай – это выбрал сам человек, пусть и неосознанно. Мне столь странные психотерапевтические приемы показались дикими и даже кошунственными.

Наконец, она отлепилась от этой темы, но когда она перешла к другой, я была шокирована, потому что теперь она стала интересоваться, есть ли у меня мужчина или «вы в поиске»? Словосочетание «в поиске», уместное для скучающей в одиночестве дамы, но не в отношении матери, потерявшей ребенка, добило меня окончательно. Еле досидев час напротив «лекарши» за 100 евро, я ушла от нее с еще более тяжелым чувством. Впрочем, она выписала мне антидепрессанты и снотворное, которые просто так в аптеке не купишь. Словом, я ушла с рецептами на обезболивающее души, которую врачаха разбередила еще больше.

Глава 8

А вот с Антоном избегать встреч было уже неприлично. Все-таки раньше, в другой жизни, мы виделись минимум раз в неделю. По телефону я все время отвечала, что пока не готова к встрече. Правду отвечала. По телефону говорили о его работе, о его любимой собаке, которую он водил на тренировки и которой очень гордился. Его Альма, кавказская овчарка, даже несколько раз оставалась со мной, когда Антон уезжал по делам. Умная собака, весом с хорошего теленка, она, казалось, понимала человеческую речь. Мы любили с ней поговорить, хотя Альма была вся такая мужская собака и относилась ко мне великодушно-снисходительно. Правда, мне было невдомек, зачем кавказская овчарка в городе, ведь у Антона не было дачи, которую нужно охранять. Но о вкусах, в том числе хозяев животных, не спорят. Кому болонки, кому овчарки, кому вообще кошки.

Когда Антон позвонил в очередной раз, я согласилась встретиться.

– К тебе, ко мне или в ресторан? – озвучил варианты Антон.

– Ко мне нельзя, у меня Жанна живет, давай где-нибудь встретимся.

– Может, в «Сирени»? – предложил он.

«Сирень» была нашим любимым ресторанчиком в тихом переулке в районе Покровки.

– Только не в «Сирень», – я теперь не могла бывать там, куда ходила в прошлой жизни.

– Хорошо, – не стал он спорить.

Я предложила встретиться в итальянском ресторанчике «Олива» недалеко от нашей «Сирени».

Надела любимое черное платье, которое стало велико.

Антон, небрежно элегантный, как всегда, увидев меня, вышел из-за столика. Красивый он все же, мелькнула мысль.

– Ну, наконец-то я тебя вижу! – обнял меня Антон.

– Я тоже рада тебя видеть, – ответила я и почувствовала, что так и есть. Все-таки когда-то нам было неплохо вместе. А как сложится теперь? Ведь и жизнь моя стала другой и я, наверное, сильно переменялась. Раньше я была комфортной любовницей. И понимание этого факта меня ничуть не задевало. Я была слишком самоуверенной, чтобы комплексовать из-за каких-то определений.

Мне показалось, что Антону тоже неловко, и он не знает, как вести себя со мной: как с хрустальной вазой, боясь задеть ненароком, или как с прежней Никой, веселой и раскованной.

– Ты очень похудела, – сказал он, окидывая меня взглядом. – Но выглядишь хорошо, даже очень хорошо.

– Наверное, когда женщина прекращает самозабвенно заниматься своей внешностью, отдавая этому все силы и средства, она начинает выглядеть лучше, – улыбнулась я.

Мы сели за столик. От спиртного я отказалась, попросила только салат.

– Чем ты все-таки намерена заняться, а то по телефону я так и не понял твои планы.

– Пойду работать, но пока не знаю, куда. Не хотелось бы ошибиться, устроившись на первое попавшееся место. В журналистику совсем не хочется, в пресс-секретари тоже. Может быть, в какую-нибудь пиар-структуру? – я понимала, что ни одно дело не поглотит меня настолько, чтобы заглушить боль. Но работать надо, чтобы не сойти с ума.

Антон спросил, нужны ли мне деньги? Я ответила, что деньги есть, спасибо, не нужно. Одним из несомненных достоинств моего друга была щедрость. Он никогда не жался, если речь шла о путешествиях, подарках, ресторанах. Я вообще терпеть не могла скупердяев. Мне всегда казалось, что жадина в деньгах – он во всем жадина: в эмоциях, в дружбе, в постели.

– Мы с Жанной хотим съездить во Флоренцию, – сообщила я. – Мне кажется, путешествие мне поможет.

– А со мной ты не хочешь съездить во Флоренцию, или в Барселону, или в Париж? – спросил Антон, не скрывая недовольства.

– Когда-нибудь и с тобой, а пока с Жанной, – мне не хотелось препирательств.

Антон расправился с отбивной, я доковыряла салат.

– Может, кофе у меня выпьем? – предложил Антон.

– Давай, – согласилась я. – По Альме соскучилась.

– Она о тебе спрашивала, – улыбнулся Антон.

Мы вышли в прохладный весенний вечер. На Чистом пруду зажглись фонари, и я в который раз подумала, какая Москва красавица и как я все же ее люблю. Когда мы проходили мимо «Современника», я отвернулась, больно кольнуло: мы с Полей, обе театралки, пересмотрели здесь весь репертуар. Теперь, наверное, вообще не смогу бывать в этом театре.

Антону ничего не сказала, мы по-прежнему избегали разговоров на страшную тему.

Он жил в знаменитом «Триумф-Паласе», недалеко от моего дома на Соколе. Я часто подшучивала над пафосным комплексом, нависавшим бездушной, неприлично сияющей вечерами громадиной, над уютными сталинскими четырехэтажками, построенными после войны для советской номенклатуры, военачальников.

С появлением «Триумф-паласа» «сталинки» стали смотреться убого на фоне современного нахального монстра. Бездушно скопированный со сталинских высоток, но без их истории, интеллигентности, таинственной ауры и легендарных жильцов, «Триумф» совершенно не вписывался в устоявшийся ландшафт района. Он был словно выскочка-карьерист, пройдоха со связями среди бравых боевых генералов.

В соседях у Антона были люди известные. Справа жил народный артист, художник знаменитого театра, слева поп-дива, непонятно за какие таланты пробившаяся в «звезды», сверху главред деловой газеты, снизу – бандитского вида дядька. А посреди мой Антон, успешный бизнесмен, а в прошлом – ученый в известном НИИ, покинувший науку в самом начале ее тотального развала в 1990-х.

Людской мешаниной был наполнен весь «Триумф-палас». Да и архитектура его была винегретом: решетки а-ля Гауди, архитектура а-ля сталинский ампиризм, услуги по баснословным ценам пятизвездочного отеля. Все способствовало удовлетворению амбиций, тешило снобизм преуспевших столичных жителей, поселившихся здесь.

Альма выбежала навстречу, виляя хвостом перед хозяином и подобострастно заглядывая ему в глаза. Но даже от радости встречи ее глаза не потеплели – суровая псина. Я наклонилась к собаке, она дала себя погладить по спинке и даже снисходительно лизнула руку. Это было высшим проявлением ее расположения.

Мы прошли в гостиную. Занятая Альмой, я не заметила, что Антон стал разжигать камин. Когда пламя взметнулось в каминной утробе, я ахнула. Со времени гибели Поли я не видела огня, и не догадывалась, какое впечатление произведут на меня обычные сполохи. Видя, как я побледнела, Антон обеспокоенно спросил:

– Что с тобой, Ника?

– Пойдем на кухню, я не могу смотреть на огонь.

– Ох, прости меня, идиота, не сообразил, – Антон сокрушенно покачал головой. – Прости.

Мы устроились в кухне за мраморной стойкой. Я уже пришла в себя. Антон сварил кофе. Улегшаяся рядом со мной, Альма теплым боком согревала ноги.

Антон разлил коньяк в пузатые бокалы. Мы выпили, и Антон, приобняв, повел меня к дивану. Мы поцеловались, но я ничего не почувствовала. Раньше ему достаточно было прикоснуться ко мне, и я вся вспыхивала. Теперь я не находила в своем теле ни чуточки ответного желанья. Но ожидала, что его ласки заставят меня вспомнить, как у нас было раньше. Я обя-

зательно вспомню. Мне это необходимо. Он стал ласкать мою грудь, потом расстегнул молнию платья, и оно упало к моим ногам.

– Я так хочу тебя, моя Ника, – прошептал он.

Я не чувствовала ничего. Ничегошеньки. Стояла отрешенной фригидной ледышкой. От этого мне было не по себе. И понимала: если сейчас уступлю, потом буду неприятна сама себе.

– Прости, я не могу, – прошептала я, подобрала с пола платье, торопливо надела его и повернулась к нему спиной. – Будь добр, застегни молнию.

– Почему, Ника? – Антон развернул меня и посмотрел в глаза. Он, кажется, и вправду не понимал, почему я отказываюсь хоть на время забыться в его объятиях. Похоже, он искренне считал, что секс способен на все, даже избавить от тяжелейших мыслей. А я вдруг отчетливо поняла, почему не могу: я не хотела, не смела позволить себе постельные утехи, словно наказывала себя, намеренно лишаясь приятного, зная, что моей дочке никогда уже никакого удовольствия не испытать. Мне нетрудно было объяснить это себе, но Антон точно не понял бы.

– Мне кажется, когда в сердце так много боли, любовь туда уже не помещается, – попыталась описать Антону свои чувства.

– Что нужно сделать, чтобы ты оттаяла? – в его искренности не было сомнения. – Скажи, Ника?

– Я не знаю, правда... Но мне кажется, что должно пройти время, – грустно сказала я.

– Я буду ждать, – заверил Антон.

Он взял Альму на поводок, и мы неспешно пошли через парк. Молча. Когда подошли к моему дому, Антон обнял меня и прошептал:

– Я буду ждать, Ника, и я дождусь.

Он, наверное, в это верил, а я, кажется, не очень.

Жанна уже спала. Я тихо проскользнула в свою спальню и долго лежала в кровати, наблюдая за бликами на потолке от фар проезжающих машин. Я боялась не спать и думать. Но и заснуть боялась, зная, что могу подскочить в ужасе от очередного кошмара.

Глава 9

Каждую неделю я теперь ходила на церковные службы. Мне было спокойно в храме Святителя Николая в Толмачах, рядом со знаменитыми иконами, в том числе чудотворной Владимирской Божьей матери. Я смотрела на скорбный лик Богородицы с маленьким Иисусом на руках, просила ее стать доброй матерью моей дочери там, где она сейчас находится. Помню, как одна богомольная старушка, услышав о моем горе, сказала: «Не скорби сильно, детка, не горюй, не убивайся. Неужели ты думаешь, что Божья мать хуже позаботится о твоей дочке на Небесах, чем ты заботилась о ней на земле?».

Я приходила в храм задолго до службы, писала записки за упокой и здоровье, прикладывалась к иконам, ставила свечи. И если раньше я знала только «Отче наш», то теперь выучила много молитв. Некоторые запоминались после первого же прочтения. Иногда ко мне присоединялся мой друг Сергей, иногда ходила с Зиной Терещенко, которая в моем окружении считалась, так сказать, самой воцерковленной. Она как бы взяла надо мной православное шефство, указывая неопиту, как вести себя в храме, к какой иконе вначале подходить, как правильно исповедоваться. Она сообщила, что грехи свои можно записать на бумажку и подать их батюшке. А тот прочтет, порвет записку и грехи отпустит. Сама она так и делала. Мне такая исповедь казалась не совсем честной. Ведь покаяние обращено к Богу, важны осмысленно произнесенные слова. А записанные грехи, затем разорванные в клочки – это как-то формально, упрощенно, словно придумано для удобства прагматичных горожан. Лишь бы ходили. Тогда ведь и священник свою проповедь может раздавать на бумажках?

Впрочем, я не спорила с Зиной. В храме я искала успокоения, а не диспутов.

«Сюда можно повесить сумку», – помню, как-то указала Зина на большие крючки на стене в десяти метрах от алтаря. Мне казалось, что они не для этого, но поверила и повесила сумку. А когда проходящий мимо служащий сделал замечание, что крюк не для сумок, Зина поморщилась и прошипела: «Для чего же еще?». Но тот не стал отвечать, осуждающе взглянул на нас и пошел дальше. Зина передернула плечами, выражая свое презрение к замечанию. Или, скорее, к тому, что ее поймали на незнании церковного этикета.

Но вообще-то я старалась ходить в храм одна, не нужен мне был наставник, тем более светский. Общаться в храме мне хотелось только со священниками на исповеди. На одной из них батюшка, когда рассказала о трагедии, проговорил «минутку» и удалился. Ожидющие с удивлением смотрели вслед прервавшему исповедь священнику – такого они еще не видели. Он вернулся через несколько минут и протянул мне стопку книг «Как пережить горе?», «О скорби», «О потере близких»: «Прочтите, пожалуйста, внимательно. Очень надеюсь, что вам это поможет». Я поняла, что он сходил в церковную лавку и взял эти книги. «Спасибо, батюшка», – прошептала я.

Жанна церкви сторонилась. Она ждала меня в кафе неподалеку, общалась в «Фейсбуке».

Мне часто звонили приятели и приятельницы, бывшие коллеги, просто хорошие знакомые, я ведь многими обзавелась в Москве. Спрашивали, не нужна ли помощь, предлагали работу, деньги. Я благодарила, от денег отказывалась. Мне были тяжелы соболезнования. Конечно, некоторые звонили и на Украину. Но в Москве на меня обрушился шквал звонков. Думаю, люди просто выждали время, когда я немного приду в себя, возможно, опасаясь нарваться на истерику или неадекватную реакцию. Но обозначить свое участие считали необходимым, вот и звонили. Я понимала, многим нелегко общаться с человеком в горе. Для этого требуется определенное мужество и великодушие. Проще отстраниться. Это я тоже почувствовала: некоторые люди предпочли просто забыть обо мне, хотя раньше недели не проходило, чтобы не пригласили на кофе или ужин. Но тогда я была при должности, сильной и успешной,

а теперь безработной, несчастной. А может, люди боялись заразиться чужой бедой и накликать свою, поэтому предпочли держаться подалеже?

Конечно, к человеку в горе надо подходить на цыпочках, а не все это умеют, и лишь немногие хотят. Тем ценнее было для меня присутствие в моей жизни и в моем доме Жанны, которой я стала намного больше доверять. Да и как иначе, когда живешь с человеком под одной крышей.

Хотя разговаривали мы мало. Жанна вечерами и в выходные сидела в интернете. Я читала книжки, выискивая мысли, которые могли бы помочь мне. Иногда мне хотелось просто поговорить, не о моем горе, нет, только не о нем, а например, вместе посмотреть кино, обменяться мнениями. Но подруга предпочитала виртуал.

Как-то мне позвонил сочинский знакомый, с которым мы много лет по-доброму приятельствовали, и сообщил, что у него обнаружили рак. «Наверное, это потому, что я нес крест на похоронах Полины. Никто не хотел, а я взяла». Я была ошарашена. Он словно винил за свою болезнь. Позвонила отцу Алексею на Украину. «Что за глупость! – удивился он. – Господь, напротив, благоволит тем, кто помогает людям, попавшим в беду, кто помогает на похоронах».

Я тут же набрала своего сочинского приятеля и заверила, что его болезнь и крест никак не связаны. Наоборот, это большое благо в глазах Господа, сослалась на батюшку. «Вероника, у меня ведь уже четвертая стадия...», – прервал он меня. Я поймала себя на мысли, что тоже не знаю, чем успокоить, какие слова подобрать. Мне ли осуждать тех, кто боялся общаться со мной? Я ведь тоже была почти безнадежно больной, зараженной горем, воплощением жизненной катастрофы.

На таком фоне жемчужиной стало отношение моей подруги Даши. Две ее близкие подруги, Яна и я, потеряли детей. Дочка Яны заболела лейкемией в 10 лет. Два года боролись, врачи то давали надежду, то отнимали. Девочка умерла, когда ей еще не исполнилось двенадцати. Даша стала единственной подругой Яны, которая была с ней рядом эти два жутких года и потом, еще несколько тяжелых лет. Она помогала, чем могла. Благо, возможности у Даши немалые – она работает на высокой должности. Но, что крайне редко бывает с теми, кто забрался наверх, и сердце ее занимает высокий пост в иерархии человечности.

Как только я вернулась в Москву, Даша пригласила меня и Яну в Большой театр на премьеру балета. Наши места с Яной были рядом. В антракте мы смогли поговорить.

– Я не знаю, как и зачем существовать дальше, – призналась тридцативосьмилетняя Яна. – Жду, когда состарюсь и умру, или заболею и умру, чтобы попасть к ней. А других детей я не хочу, точнее, боюсь их иметь, – сказала Яна.

Я понимала. И тоже не знала, на что опереться, чтобы как-то жить. После смерти ее дочки прошло уже несколько лет. После смерти моей – считанные месяцы. Если и несколько лет не ослабляют боль... то это вообще страшно. Судя по настроению Яны, время не лечит. Нет надежды.

Мы обнялись и так просидели весь антракт, две несчастные матери, выброшенные злым роком на черный холодный берег, кишасший чудищами страха и безысходности.

Когда я стала придумывать памятник для Полиной могилы, Даша привезла мне толстый конверт с деньгами: «Это мой вклад в памятник Полечке».

Был у меня в приятелях почти олигарх Федя. Когда мы познакомились по работе, он активно за мной ухаживал, но я остановила его: «Федь, давай лучше дружить». И мы дружили, встречались в кафе, гуляли по улицам, болтали о политике и политиках. Федя был в теме, я тоже, потому что занималась политической журналистикой и разбиралась в разных властных хитросплетениях.

И сейчас мы с Федей иногда встречались на пару часов по выходным. Жил он по соседству, в красивом особняке в легендарном поселке художников, на который выходили окна моей спальни. Все так же темой разговоров были политические сплетни и всякие тайные пружины

власти. Точнее, теперь я больше слушала Федю (мужчины ведь страсть как любят, когда им заинтересованно внимают). Прежде интересные, сейчас все эти вихляния так называемой большой политики казались мне убогими, скоморошьими, никчемными. Но мне не хотелось, чтобы Федя подумал, будто я стала совсем другой после трагедии. Мне хотелось остаться прежней в глазах окружающих. Даже не знаю, почему. Наверное, тогда мне было важно их мнение. Денег Федя не предложил, хотя спросил, собираюсь ли я на годовщину установить памятник? Я бы, может, и отказалась от его денег, как отказывалась от помощи других состоятельных знакомых. А может, и нет: Федя был богаче всех в моем окружении. А я уже представляла, что красивый памятник – это очень дорого. Ну, не предложил и ладно. Наши дружеские отношения с Федей из-за этого не претерпели никаких перемен.

Когда вернулась с очередной прогулки, Жанна поинтересовалась, счел ли богатенький Федя необходимым помочь мне деньгами? Узнав, что нет, прокомментировала: «Какой жлоб!».

Наверное, нельзя ожидать от людей того, на что они неспособны, а надо ценить даже за то немного, что есть в них хорошего. Или с кем просто комфортно. Ценить тех людей, которые не пойдут на откровенную сознательную гнусность. Как у Довлатова? «Порядочный человек тот, кто делает гадости без удовольствия». Когда я впервые давным-давно услышала это высказывание, то лишь рассмеялась. Но в нашем сегодняшнем мире, с его стремительно обесценивающимися добром и великодушием, эти ироничные слова звучали все правдивее и серьезнее. И совсем не смешно.

Помню, отец Алексей во время наших длительных бесед как-то сказал мне:

– Вероника, хочу вас предупредить о бесах. Да-да, не смотрите так недоверчиво. Когда человек в беде, он очень уязвим, и бесы могут обрушиться на него.

Я постаралась сделать понимающее лицо, но батюшка, чувствуя мое недоверие, продолжил:

– Вы думаете, что бесы – это что-то несуществующее, придуманное церковниками? Но это не так. Бесы – реальные сущности. Они – падшие ангелы, служили любви и добру, но предали Господа и встали на сторону зла. А уж в нем они настоящие виртуозы. И мастерски, незаметно, могут подкрасться к человеку и ударить. Или заставить человека совершить зло. Или подтолкнуть к подлостям его близких. Особенно бесы активны, когда человек в унынии, когда страдает.

Я запомнила этот разговор с батюшкой. Но не придавала значения, по-прежнему уверенная, что вся сила и слабость в самом человеке, и нечего на бесов кивать.

Пройдет совсем немного времени, и я пойму, как прав был батюшка.

Глава 10

А мы с Жанной собирались во Флоренцию. Я чувствовала, что даже это небольшое путешествие отвлечет меня от тяжелых мыслей, картин, которые изматывали меня, когда представляла огонь и Полю... Воображение, несомненное благо для творческого человека, стало моим проклятием. Антидепрессанты и транквилизаторы не помогали. Да и способны ли лекарства помочь разбитому сердцу? Фармацевтика, уверилась я, в большом горе бессильна.

Жанна готовилась к поездке основательно. Простудировала «Божественную комедию» Данте Алигьери, который жил во Флоренции, где и встретил прекрасную Беатриче. Если я нашла у Данте точно описывающие мою нынешнюю жизнь строки: «Земную жизнь пройдя до половины, я очутился в сумрачном лесу...», то моя подруга прониклась его религиозной философией. У Данте атеистку Жанну впечатлило описание ада с его девятью кругами, а особенно самого страшного, девятого – за предательство. Даже убийство, по Данте, меньшее зло. В девятом круге вмерзшие в ледяное озеро, обреченные на вечные голод и муки, – Иуда, предавший Христа, Брут, отрекшийся от Юлия Цезаря и миллионы знаменитых и малоизвестных подлецов. В тот же страшный круг, верила Жанна, непременно попадут некоторые наши общие знакомые, совершившие подлости: и та, и тот, и этот. Беспощадна была моя подруга к тем, кто совершил малейшую оплошность, особенно по отношению к ней. Помню, как она рассказывала, что начальник, назначая ее на новую, скажем прямо, «собачью» должность, в шутку напутствовал: «Ты должна так построить всех, чтобы о тебе говорили: “Жанка – гестапо”». Сомнительной ценности повышение, унижительная привилегия, гадкое напутствие. Но Жанна не испугалась, ибо не из слабонервных. Она, я полагаю, доблестно выполнила наказ начальника.

Флоренция была прекрасна. Мы любовались роскошными палаццо и площадями, углублялись в нетуристические районы, пили кофе и вино в маленьких кафешках на тихих улицах. Многолюдья мы намеренно избегали, решив гулять по знаменитым местам ночью – благо наша гостиница находилась в самом центре.

Я отстояла очередь в Уффици, а Жанна пошла по магазинам. Она не любила музеев.

Конечно, я не надеялась прилежно обойти все залы, а выбрала для детального осмотра лишь несколько картин, которые особенно хотелось увидеть. Например, знаменитую «Рождение Венеры» Боттичелли. Долго вглядывалась в прекрасные черты небесного лица, любуясь роскошным телом Венеры, отдавая дань волшебному дару художника.

Отыскала и другую знаменитую Венеру – «Венеру Урбинскую» Тициана, откровенно эротичную, о которой много читала. Венера Тициана – это невеста герцога, по заказу которого художник писал картину. Любопытно, а как же позировала обнаженной непорочная юная невеста герцога? Вернее, как он позволил? Но чтобы греховные мысли не бродили в головах зрителей, а может, и самого живописца, Тициан изобразил на кровати маленькую собачонку, которая, по мнению искусствоведов, символизировала верность в браке. Правда, эротичный пафос картины снижают две служанки на заднем плане, неэстетично роющиеся в сундуке красавицы Венеры, чтобы найти, чем прикрыть ее вызывающую наготу.

Рядом со мной остановилась парочка юных итальянцев. Они лишь мельком взглянули на шедевр и принялись целоваться, никого не стесняясь. Такое, наверно, возможно только в Италии, пропитанной чувственностью, хоть сотни лет назад, хоть сейчас. Это был не просто обычный поцелуй, а демонстративное утверждение... ну пусть не любви, а желания – самонадеянное и очаровательное в своей дерзости.

Посетители обходили парочку. Одни хихикали, другие, вероятно, сдержанные северные европейцы, может быть, немцы, осуждающе поднимали брови.

Нацеловавшись, парочка взялась за руки и, улыбаясь, пошла по залу, совершенно игнорируя публику. Вот захотелось им прийти в Уффици, чтобы нацеловаться, и все тут!

А я отправилась к «Мадонне Дони» Микеланджело, любуясь совершенно земной женщиной, принимающей маленького Иисуса из рук удивленного Иосифа. Эту картину художник писал во Флоренции, когда работал над своим шедевром – скульптурным Давидом. Своей изысканностью это была очень флорентийская картина.

И еще по программе у меня был «Вакх» Караваджо, написанный по заказу покровителя живописца – кардинала – в подарок великому герцогу Тосканы. Вакх, бог виноделия, словом, наш человек, совсем не выглядел божеством, каким его изображали живописцы того времени. Это был простецкий парень, каких Караваджо встречал в местных таверне или даже в борделе, куда, говаривали, частенько заглядывал. Я пыталась рассмотреть изображение автопортрета Караваджо на графине с вином (эту деталь совсем недавно обнаружили реставраторы), но меня беззастенчиво оттеснили шумные китайцы.

Как жаль, что нельзя стоять у шедевров в полном одиночестве и тишине. В шуме-гаме-топоте, разноязыких выкриках экскурсоводов, в этой суматошной какофонии звуков, не откроются тайны великих творений, не проникнешь внутрь замысла и мало что поймешь. Разве галочку поставишь: «Была, видела».

Мне не хотелось уходить из галереи, этого пантеона великих, давно покойных людей, художников и их моделей. Здесь было спокойно, потому что легко представлялось, как тленно все живое. Такое ощущение я испытывала разве что в церкви.

Но надо было спешить – в кафе у галереи в назначенное время меня должна ждать Жанна. Ее еще не было, я заказала кофе. По соседству, за сдвинутыми столиками расположилось большое итальянское семейство. Кажется, четыре поколения. Такого не увидеть в наших кафе, да и в других европейских странах, наверное, тоже. Это была Италия с ее культом семьи.

Седовласый, усадый, красивый старик, наверное, дедушка или даже прадедушка. Его супруга с великолепной укладкой и жемчужной ниткой на изрытой морщинами шее, невероятно элегантная. Красивая пара, хотя обоим явно за 70. Еще одна супружеская пара, лет 50, ухоженная и моложавая. И молодежь с детьми. Точно, четыре поколения. Дети чувствовали себя совершенно вольготно, взбираясь на руки то к одним, то к другим представителям старшего поколения, что-то лепеча на своем певучем языке. Старики с любовью отвечали им, не прерывая при этом разговора с другими членами большого семейства. Над столом плыла плавно-переливчатая речь.

Как же я, потерявшая единственную дочь и обоих родителей, завидовала этому семейству, полноценному, дружному, над которым парила аура радости! Воплощенная непрерывность жизни! Как тяжело видеть чужое полнокровное счастье. Это плохо – так реагировать, я понимала, но если больно? Я не могла больше находиться здесь. Встала и направилась к выходу.

К счастью, подошла Жанна и, увидев многолюдье, чего не переносила, кивнула на выход. У нее был пакет модного бренда. Шопинг явно удался. Она не похвалилась трофеями, а я не спрашивала.

До темноты у нас еще было много дел во Флоренции. Зная, что Жанна не любит фотографировать, я все же попросила ее снять меня на фоне Уффици и копии микеланджеловского Давида. «Ладно, давай телефон», – нехотя сказала Жанна и сделала несколько щелчков.

Мы решили прогуляться по мосту Понте-Веккьо через реку Арно на другой берег, к дворцу Медичи. В одной из лавчонок, облепивших, как ласточкины гнезда, знаменитый мост, я купила на память о Флоренции изящную брошку и красивый галстук Антону.

Мы шли по извилистым улочкам, рассматривая уютные дома, увитые плющом и виноградом, и говорили о том, как, должно быть, приятно жить здесь и какие счастливые эти флорентийцы, существующие в абсолютной, совершенной красоте, сказочно нарядной и вечно праздничной. Попадая в новые города, всегда ведь невольно примеряешь их на себя: а что если

поселиться здесь? Как бы жилось вот в этом милом домике с витиеватым фонарем под окном? Мне казалось, что в прекрасной Флоренции с ее великой, страшной и притягательной историей, жить было бы замечательно. А если здесь родился – то просто счастливчик.

Обмениваясь впечатлениями, завернули на кофе. Уселись на веранде среди красивых растений в расписных горшках. Жанна жеманно протянула руку к меню, как в замедленной съемке, склонив голову и прикрыв глаза. Отрабатывала упражнение «я плавною». Оценить изысканность позы, кроме меня, было некому. Ан, нет – к нам подбегал верткий, как на шарнирах, худющий и лыбящийся во весь огромный рот официант, являя своей стремительностью разительный контраст с моей размякшей подругой. Принимая заказ, он нагнулся к Жанне и, кивнув в мою сторону, громко проговорил: “Belladonna!”. Жанна окаменела. Переход от плавности к окаменелости был мгновенным. Она возмущенно отпрянула от итальянца и бросила на него такой взгляд, от которого он рисковал превратиться в соляной столб. Он и застыл. Потом скоренько испарился. Она, сузив глаза, прошипела: «Да как он смел мне говорить о тебе комплименты?!». Я хотела расхохотаться от такой простодушной ревности-зависти. Но, увидев ее злое лицо, проглотила зародившийся смех. «Да он просто дурачок», – отмахнулась я и перевела разговор на другую тему. Кофе мы пили молча.

В тот вечер мы долго прогуливались по засыпающим улицам, как вдруг заметили у входа в какой-то дворик-патио длинную очередь нарядных итальянцев. Они покупали билеты и проходили внутрь. Мы тоже встали в очередь, интересно же, куда сами итальянцы так хотят попасть. Когда подошла наша очередь мы, как это делали другие, протянули по 5 евро и получили по большому пузатому пустому бокалу. Оказалось, попали на презентацию – дегустацию вина. В патио вдоль древних стен стояли витрины итальянских вин, белых, розовых, красных, бочки, галлоны, бутылки, к которым следовало подходить со своим бокалом, и его тут же наполняли до краев.

Надо ли говорить, что вскоре мы уже были прилично подшофе.

И все-таки, хотя уже совсем стемнело, решили выполнить план – хотя бы обойти вокруг темную, без единого огонька, виллу Медичи.

Вспомнили, что у нас с собой початая бутылка вина. Устроившись у стен на траве, отхлебывали из нее по очереди. Жанна нашла на айпаде мою любимую песню «Арго», и я что-то в темноте вытанцовывала. Жанна все это тщательно снимала на айпад. Наверное, фотографировать ей нравилось только нетрезвой.

Потом мы решили продолжить праздник в ночном кафе. И услышали за соседним столиком русскую речь. Там сидели две девушки: одна худая, коротко стриженная брюнетка с длинным носом и близко посаженными глазами, вторая – потрясающей красоты нежная голубоглазая блондинка. В конце концов, девушки оказались за нашим столиком, и мы заказали еще вина. Разговорились. Брюнетка Инга оказалась из Воронежа, блондинка Галя – из маленького украинского городка. Обе работали посудомойками в этом кафе. После работы им разрешалось пропустить по стаканчику за счет заведения.

Вскоре к нашему столику подошел хозяин, неприятный дядя с большим животом и маслянистыми глазками. Пока Инга провожала Жанну в туалет, Галя рассказала мне историю, от которой я даже протрезвела. Обе девушки по очереди спали со своим хозяином. И если хваткая, но некрасивая Инга сумела вылежать для себя какие-то привилегии и зарплату повыше, то красавице Гале эта неприятная обязанность не принесла никаких дивидендов. По сути, она отдавалась, чтобы хозяин не выгнал ее с работы. Он знал, что у нее ребенок и деваться ей некуда.

– Итальянцы большие халявщики, им лишь бы переспать, – сообщила мне Галя.

«Да и не только итальянцы», – подумалось мне. Галя призналась, что ей почти не удается сводить концы с концами.

– Я бы уехала домой, – призналась она, – но у меня дочь-школьница, учится здесь и категорически отказывается покидать Италию. У нее друзья. Она считает, что здесь ее дом. А мне даже кроссовки ей не на что купить.

Я вынула из кошелька 100 евро и протянула Галя.

– Нет, ну что вы, мне неудобно, – стала слабо отказываться Галя, не отрывая глаз от вожделенной купюры. В конце концов, взяла деньги.

– Завтра же куплю дочке кроссовки, спасибо огромное!

У нее дочка. Она счастливица.

Жанна вернулась одна. Ингу хозяин зазвал в подсобку. Вскоре мы распрощались с девушками и поплелись в свою гостиницу, обсуждая услышанное.

– Вот тебе и счастливая жизнь во Флоренции, – сказала я.

– Да, там хорошо, где нас нет, – заметила Жанна. – А ты тоже хороша, мать Тереза! Зачем было давать ей такую сумму? Тебе что – лишние 100 евро?

Я промолчала. Мне не хотелось ничего объяснять. Точнее, оправдываться.

Глава 11

Неделя во Флоренции пусть самую чуточку, но отвлекла меня от горевания. Все же путешествия, особенно в чужую страну – неплохое лекарство. Но дорогое. А мои денежки таяли. И очень скоро, хочешь – не хочешь, придется идти зарабатывать. Хотя количество денег уже не было для меня столь важным, как раньше, когда хотелось всего и много. На какую же ерунду я раньше тратилась! Она казалась необходимой, прямо-таки жить без нее не могла. Совсем в гламур я, конечно, не впала. Хотя в те времена высоких цен на нефть, которые сейчас называют «тучными», гламур стал стилем жизни, к которому всякому успешному человеку следовало стремиться. Но и тогда было понятно, как это глупо и пошло.

Я покупала хорошие сумки, одежду известных брендов, дорогую обувь. Теперь смотрела на все это барахло в своей гардеробной и стыдилась – дурачина-шопоголик. А ведь тогда искренне считала, что надо выглядеть дорого, модно. Какие глупости! Ну и какое значение имеют сейчас эти прошлые пустые радости?

Прежде чем подыскивать работу, нужно было съездить в Сочи, на могилу Поли. Я до дрожи боялась, представляя холмик с венками и крестом. Но на годовщину хотела поставить памятник, а для этого требовалось встретиться с сочинскими мастерами.

Несколько дней рассматривала в интернете образцы надгробий, холодея, нажимая дрожащими пальцами на клавиши компьютера. Я позвонила отцу Алексею, рассказала, как мучительно придумывать памятник, но понимаю, что никто за меня этого не сделает.

– Когда тяжело, читайте Псалтырь, 90-й псалом «Живый в помощи...», – посоветовал батюшка.

Так я чередовала: рассматривала надгробья на экране компьютера, а потом шептала обращенные к Богу упования царя Давида. Поплакать бы, но слез нет. Что же вы никак не прольетесь, ну почему не поможете мне?!

Я примерно представляла памятник. Не должно быть черного – Поля его не любила. Выбирала гранит – голубой, бежевый, кирпичный. Мне хотелось, чтобы в надгробье угадывалась капля. Вода, которой не хватило, чтобы погасить огонь, сожравший мою дочку. Пусть теперь у нее всегда будет вода.

Хотелось, чтобы у могилы были столик, скамеечка, ваза для цветов и аккуратная оградка. Туда ведь будут приходить ее друзья.

Понимала, что такое сооружение будет стоить дорого. Но что деньги? Что теперь, кроме красивого памятника, я могла сделать для Поли?

Памятник-то я представляла, но набросать эскиз на бумаге не могла. Я совсем не умела рисовать. Это мой папа был хорошим художником, и часто делал за меня школьные задания по черчению и рисованию.

Все похоронные конторы, которые обзвонила, эскизами не занимались. «Если вы будете у нас заказывать изделие (изделие!) – наш дизайнер сделает эскиз, а нет – извините», – услышала несколько отказов.

Я вспомнила, что у меня есть давний знакомый художник Георгий. Мы вместе работали на Украине, а потом и в Москве. Сколько на разных вечеринках пили за дружбу – не счесть! Мне казалось, я могла назвать Георгия если не близким другом, то хорошим надежным приятелем. Он в основном рисовал карикатуры, занимал призовые места на международных конкурсах. Но и картины писал – у меня было несколько его работ, подаренных в разные годы в дни рождения. Георгий считался художником с хорошим вкусом и оригинальным взглядом. Вот кто мне нужен!

Нашла телефон Георгия. Изложила свою просьбу, попросила встретиться со мной в кафе и набросать эскиз.

– Я никогда не рисовал могил, – ответил он неожиданно резко. – Если бы ты попросила карикатуру, я бы нарисовал.

Резануло «нарисовал бы карикатуру», это было неуместно и цинично. Я уже хотела попроситься и повесить трубку, но Георгий, видно, осознав грубость, смягчился:

– Встречаться у меня времени нет, но пришли мне на почту наброски, я подумаю, что можно сделать.

Отправила.

Через несколько дней получила... карикатуру. Это был безвкусный, отвратительный, даже кощунственный рисунок. Если бы я окончательно потеряла веру в человечество, то подумала бы, что Георгий попросту поиздевался надо мной. Было обидно и больно. Мне вспомнилось предостережение батюшки о бесах. Воистину, рукой Георгия водила нечистая сила.

Поняла, кто мне поможет с эскизом – мои друзья из Лазаревского. Лера и ее муж Семен, художник, скульптор, писатель. Я всегда с удовольствием приезжала в их красивый дом в горах, который Сеня спроектировал и построил вместе с сыном. Когда я бывала у них в гостях, Семен учил меня лепить горшки и вазы на гончарном кругу во дворе. Это было весело. Особенно, когда после творчества приходилось отдиравать засохшую глину от волос и лица. Мои горшки получались кривоватые, вызывающе нахальные в своем непослушании, но я все равно забирала их домой, гордясь делом рук своих.

Хотелось поговорить с Лерой – человек чуткий, она сумеет найти слова утешения. А Семен, конечно, сделает эскиз памятника.

И вот я летела в Сочи. Уже вижу берег. Никогда не испытать мне того восторга за минуты до приземления, когда самолет, развернувшись над морем, зависает носом к суше, а потом стремительно влетает на небольшой уже высоте на берег Адлера, фланируя над домами и гостиницами, над муравьиным копошением крошечных машин на дорогах, оставляя справа горы с небрежными, съехавшими набекрень макушками снега. И радостно замирает сердце от встречи с вечнозеленым городом-праздником, где меня ждет все любимое, знакомое, родное. А главное, дочка...

Теперь, подлетая к Сочи, отвернулась от окна и закрыла глаза. Не хотела видеть привычной разноцветной картинки за иллюминатором.

Как в самый страшный мой день, когда я узнала о гибели дочки, меня встречали Аня и дочкина подруга. Из аэропорта мы поехали на кладбище. Подходя к могиле, заваленной старыми венками и свежими цветами, почувствовала, что все вокруг вдруг стало непонятно светлеть и расплываться, потом вдруг ослабели ноги. В последний момент меня, теряющую сознание, подхватили девчонки. Очнулась на лавочке у чужой могилы. Такого со мной не было даже в самую первую минуту горя, даже на похоронах.

– Напугала, – покачала головой Аня, протягивая мне бутылку с водой. – Может, «скорую»?

– Не надо, я сейчас, – попробовала сесть. Слабость еще чувствовалась, но мне удалось встать на дрожащие ноги. Все-таки нашла в себе силы подойти к могиле, поцеловать фотографию на кресте. Девчонки плакали. Мои глаза были сухи. Ну почему, почему я не могу зарыдать, когда внутри чувствую потоки слез? Почему они не способны пробить эту плотину внутри меня?

Мы медленно побрели с кладбища. Зашли к могильных дел мастерам. И, как не удерживали меня девчонки, мол, надо отлежаться, я пошла на вокзал, на электричку до Лазаревского.

Ехать нужно было чуть больше часа. Смотрела на буйство красок за окном. Растрепанные и всегда казавшиеся мне глупыми пальмы, только и умеющие что махать растопыренными листьями. Невозмутимые, как каменные изваяния, кипарисы, очаровательные в своей забавной надменности. Могучие эвкалипты с пятнистыми стволами, напоминающими солдатский камуфляж. Сумбурно рассыпанные у моря маленькие гостиницы. Море, какое-то усталое, словно из

последних сил бросало слабые волны на берег. Море уже утомилось, хотя до наплыва курортников было еще далеко.

Поняла, что раньше любила Сочи не потому, что он так прекрасен и что провела в нем несколько не самых плохих лет, а потому, что здесь жила моя дочь. В этом городе я надеялась встретить старость, окруженная внуками. Внуков у меня никогда не будет.

Раньше в своей привязанности к этому городу старалась не замечать его странностей. И даже самую неприятную – стойкий снобизм его жителей, которые все как один помнили расхожую советскую притчу: «Знал бы прикуп, жил бы в Сочи», до сих пор веря ей. Хотя теперь в Сочи мог жить любой, имеющий два-три миллиона рублей на небольшую квартиру, может, даже у моря. Это ведь практически цена квартиры в далеком от морей областном центре, даже в некоторых районных.

Снобизм местных возрос прямо пропорционально статусу олимпийской столицы. Гостиницы, которыми в основном владели предприимчивые сочинские армяне, звались «Бeverли Хилз», «Монако», «Майами», «Ницца». На самом деле владельцы считали свои заведения куда круче тех мест, в честь которых их назвали, хотя никогда там не были. И не собирались: «А зачем? Чего я там забыл? Мне и тут хорошо». Эта местная спесь была восхитительна в своей простоте. Владельцы ресторанчиков были уверены, что Сергей Трофимов в своей песне о Сочи «А шашлычок под коньячок вкусно очень» совершенно верно указал, к какому блюду какое спиртное подавать. И если бы местным ашбтам сказали, что к рыбе нужно белое вино, а к мясу – красное, они были бы изумлены. Шашлык-машлык под коньячок – самое то. Но, нельзя не признать, шашлык в Сочи был хорош. Как и другие блюда кавказской кухни.

Что до меня, доолимпийский Сочи был комфортнее и уютнее. А теперь превратился в карикатурное подобие Лас-Вегаса. Многоэтажные высотки торчали из парков, любовно обустроенных фантазией местного гения ландшафта Венчагова десятки лет назад, подпирали сразу ставшую убогой главную набережную, вторглись в тихий Дендрарий, умудрились даже потеснить санатории, бывшие в советскую эпоху гордостью всесоюзной здравницы. Новый нахальный облик городу не шел. Хотя со снобизмом жителей был в некоей гармонии. Теперь аборигены, точно как москвичи, возмущались, что к ним «понаехали», раскупили новостройки, а они так и остались куковать в своих панельных пятиэтажках. Однако, несмотря на олимпийский размах, главный отечественный курорт так и не научился хорошему сервису (предполагаю, все из-за того же чванства местных, напроць отказывавшихся признавать себя обслугой и все еще считающих себя отечественной элитой), зато сумел накрутить умопомрачительные цены.

Сочи выглядел ошалелым от свалившихся на него громадных денег. Словно провинциалка, благодетельствованная олигархом, приодетая, украшенная цацками. Но – так и не сумевшая войти в образ дорогой женщины, достойной шикарной жизни. Потому то и дело под дорогими шелками проглядывали стоптанные ее пляжные сланцы, а глаза завистливо стреляли по продуманным экстерьерам светских дам. Деньги не пошли впрок – провинцию из провинциалки не вытащили. Таким мне виделся новый Сочи.

А для меня город стал еще и местом горя. И этого я точно не могла ему простить.

Глава 12

Лера и Семен встретили меня у электрички. Семен взял мою сумку, и мы пошли к морю. Оно было еще холодным, мы ковыляли по скользкой гальке.

– У нас побудешь, погуляем, пообщаемся, станет полегче, – взяла меня за руку Лера. – Ты же знаешь, какие у нас тут места – целебные.

Мы подошли к сваленным в море бетонным блокам с ржавыми железными прутьями. Очевидно, кто-то из строителей, не заморачиваясь поиском свалки, попросту сбросил их на берегу.

В проеме между балками, в прозрачной зеленоватой воде, плавали рыбы разной величины.

– Всюду жизнь, – усмехнулась Лера.

– И как эта морская жизнь похожа на нашу! – заметил Семен, облокотившись о ржавую железку и рассматривая рыбу мельтешение.

Мы с Лерой тоже подошли поближе и наклонились, держась за прутья.

Бетон уже успел обрасти водорослями, похожими на густой длинный мох. Он шевелился от подводного ветра, а в его зарослях сновали рыбешки. Резво клевали что-то съедобное. Более крупные рыбы, двух-трех сантиметров, грубо отталкивали от «шведского стола» мелкоту. А несколько страшненьких пучеглазых рыб величиной с ладонь замерли с неправдоподобно большими для их роста разинутыми ртами, ожидая, пока течение сквозь дыры в бетоне занесет прямо в их пасти съедобности, то ли мелкую живность, то ли водоросли.

– Точно как в человеческом обществе, – оценила Лера. – Кто посильнее и побойчее, отталкивает от кормушки слабых и маленьких. А некоторым, как этим хитрым прожорам (Лера указала на пучеглазых), вообще не надо суетиться – знай, открывай рот, все само в него попадет, мимо утробы ничто не проплывет.

Насмотревшись на миниатюру человеческой жизни в исполнении морских обитателей, мы уселись на гальке наблюдать за заходом солнца. На побережье это всегда великолепное зрелище, а здесь, на огромном открытом пространстве – особенно. Лера и Семен даже когда-то создали общество любителей закатов, из таких же романтиков: обменивались фотографиями, присуждали места, собирали общие альбомы и считали, что самые знатные – именно в Лазаревке.

– Сегодня будет красиво, – пообещал опытный собиратель закатов Семен и объяснил. – Потому что небольшая облачность, а значит, шоу на небе удастся.

Увидеть небесное представление пришли еще несколько человек. Некоторые навострили фотоаппараты и камеры мобильных. И солнце не разочаровало зрителей – оно в этот вечер, очевидно, было в ударе, как настоящий артист. Сначала, чуть склонившись вправо, к морю, еще большое, апельсинового цвета светило замерло, словно оглядывая собравшуюся публику, и начало игру. Осторожно, плавно двигаясь по небу, небрежно подсветило розово-фиолетовым подкладку верхних облаков, постепенно захватывая тучки нижние. Затем стало медленно размашисто бросать на небо краски – желтые, охристые, золотые, оранжевые, ближе к горизонту добавило коралловые, буро-красные, бордовые. Дотронувшись до ровной границы, разделяющей небо и море, солнце снова замерло, готовя кульминацию, и – аплодисменты – стало медленно погружаться в море, растворяясь в нем, преобразившись на прощанье в совершенный светящийся шар, медленно, за несколько вздохов, исчезающий за кулисами. А когда от огромного шара осталась только пурпурная макушка, вдруг ее последний промельк полоснул багрянцем по морю, словно махнул на прощанье зрителям в партере. Небо же, участвующее в шоу талантливо скроенной декорацией, стало медленно закрывать кулисы за уплывающим светилом: на легкие, светлые завесы, оставшиеся от ушедшего солнца, наплзали густые синие.

При этом на самом темном фоне зажигались звезды, сначала тусклые, потом ярче – синхронно с уходом со сцены света, тянущего за собой все броские цвета и оставляя небу ночь. Жгуче-черную южную ночь.

Почти в темноте мы подошли к дому, остроголовой затейливой башенкой выглядывающему из-за каменного забора. Тот же дворик с гончарным кругом, синяя под старину плитка у раздвижных дверей террасы. Все, как тогда, когда я была еще счастлива. Тогда мы с Семеном на лавке под навесом, увитым виноградом, пили его домашнее легкое вино. Закусывать ходили в сад – как раз поспели хурма и фейхоа. Сеня называл свое вино Божоле и уверял, что в нем не больше трех градусов. Хотя к концу вечера я не была в этом уверена. И хохотали, да попросту ржали как подростки, просто от того, что нам хорошо.

Теперь было совсем не так.

– Сейчас рыбку почищу и пожарю на гриле, – пообещал Семен, вынося столик с веранды в сад под фонарь.

– А завтра с утра – к дольмену, – пообещала Лера.

Рано утром пошли в горы.

– Наш дольмен особенный – это место силы, – рассказала Лера по пути. – Она тебе сейчас очень нужна.

Шли вдоль небольших домиков с ухоженными дворишками. В уходящей в горы деревне почти не бывало отдыхающих. А если они и выходили на этой малоизвестной железнодорожной станции, то селились прямо у моря в так называемых лодочных ангарах, на самом деле – в маленьких гостиницах. (Трехэтажное жилье под видом лодочных ангарах на самом берегу – чисто сочинское ноу-хау.) А в горы курортники редко выползали. Разве что единицы любопытных пробирались к дольменам.

И в этой отдельности, оторванности от приморской жизни селения была его прелесть. Здесь было спокойно и зимой, и летом. Неожиданная нирвана неподалеку от курортного сумасшествия.

Проходя мимо домиков, мы увидели несколько очаровательных маленьких козлят, объедающих траву у забора. Они разрешили себя погладить, тыкаясь мокрыми носами в наши руки с надежде на угощение. Крошечный козлик с едва обозначившимися рожками, не обнаружив в руках лакомства, попытался нас боднуть, что выглядело комично.

– Маленький козел – все равно козел, – услышали мы. К нам подошла женщина лет шестидесяти, очевидно, хозяйка очаровашек. – Знаете, я поняла, почему мужиков называют козлами. Вот у меня три козы и три козла, родители этих малышей. Так взрослый козел, если у него нет настроения, может так наподдать рогами козе, с которой только вчера был в интимных отношениях, что у нее, бедняги, даже кровь идет.

– А за что? – спросила я, улыбаясь.

– Да ни за что, потому что козел! – заявила хозяйка. Мы с Лерой рассмеялись.

Женщина пригласила во двор, показала большой пруд с лебедями и утками.

– Это я сама вырыла, – похвалилась она.

– Как сами? Чем? – спросила Лера.

– Вот этими руками и лопатой. Зато какая теперь красота, а?

– Красота, – согласились мы.

Рукотворное озерцо казалось ювелирным украшением: вода в нем, как ограненный прозрачный камень, переливалась под лучами солнца, пробивающегося сквозь листву, а оправой служили флоксы-самоцветы всевозможных оттенков.

– А вы одна здесь живете? – спросила Лера.

– Одна. Муж умер, дети далеко, приезжают редко, а я вот воюю с живностью.

– Не скучно? – поинтересовалась Лера.

– Да когда ж скучать, милая, у меня и времени-то свободного минут пятнадцать рано утром, когда проснусь. Полежу в постели, подумаю, вот и все. А так до ночи по хозяйству.

– Бог в помощь! – Лера приобняла женщину за плечи.

Мы попрощались и пошли дальше в горы, становившиеся все круче. Домики остались позади.

– Нашему дольмену не меньше пяти тысяч лет, – рассказывала Лера. – Ученые до сих пор спорят, что такое дольмены? Их же в здешних горах много. То ли это захоронения, то ли зоны геомагнитного разлома, то ли даже места общения с инопланетянами или потусторонними силами. Но здесь точно подзаряжаешься энергией. Когда нам с Сеней это нужно, или когда требуется принять важное решение – мы всегда ходим к дольмену. Надо только поверить, сосредоточиться и попросить здесь силы и мужества. А еще можно почерпнуть вдохновение и разгадку каких-то смыслов.

На высокой точке открылось это невероятное сооружение. Сложенные друг на друга огромные бетонные плиты образовали подобие домика, с четко вырезанным маленьким круглым «окном».

Пять тысяч лет – батюшки, немыслимо! За три тысячи лет до появления Христа! А ведь какие-то древние люди (или другие загадочные существа) касались этих плит, тащили их сюда. Или дольмен нерукотворен и спущен сверху? Здесь верилось в невозможное.

Я погладила камни. Они были теплыми, живыми, хотя солнце еще не успело их прогреть. Обошла вокруг дольмена и примостилась на земле у «окошка». Лера присела рядом.

– Знаешь, Лер, очень трудно жить, понимая, что уже никогда не будешь счастливой, и даже не просто беспечно счастливой, как прежде, а немножко, самую чуточку, – призналась я.

– Поверь, Никуша, и ты еще вспомнишь эти мои слова, что у тебя все равно будут в жизни пусть крошечные, но радостные моменты, – сказала Лера. – Уверена, не только одни лишь моменты...

– Да откуда, Лер? Не верю. Но и жить несчастной – нет у меня такого опыта, не умею. И нет ни сил, ни желания этому учиться...

– Знаешь, я уверена, что если человеку выпадает такое испытание, то и силы вынести его даются, – Лера высказывала вроде бы не новые, совсем не оригинальные мысли, но именно их хотелось сейчас слышать. Здесь они обретали понятный, верный смысл. Может, из-за близости загадочного дольмена. Лера правильно выбрала место для разговора. – Ника, ты постарайся, очень постарайся отпустить дочку, – Лера обняла меня за плечи. – Скажи ей, что любишь и будешь любить всегда, что ты благодарна за то, что она была рядом. Но отпусти ее. Это трудно, но необходимо. Тебе надо жить, а не доживать. Ты сможешь сделать еще очень много хорошего и для себя, и для людей, которые тебя любят. И помни: ты всегда можешь положиться на нас с Сеней. Не дай депрессии и унынию зацапать себя намертво. Я уверена, что Поинка не хотела бы, чтобы ты страдала и хоронила себя. Она видит тебя, и хочет, чтобы ты жила, была успешной, красивой, сильной женщиной, какой ты всегда и была.

Мы помолчали.

– Я как-то прочла притчу об унынии, – продолжила Лера. – Дьявол в аду решил показать свои «богатства» – кинжал зависти, стрелу ненависти, молоток гнева, капкан жадности, пузырь гордыни... Нацепил на них ценники. А отдельно лежал неказистый колышек уныния. И цена у этого колышка была в сто раз выше, чем у всех вместе взятых инструментов. На вопрос, почему так дорого стоит банальное уныние, дьявол ответил: «Этот инструмент действует, когда все остальные оказываются бессильными. И если мне удастся вбить клин уныния в голову человека, то это открывает двери для всех остальных инструментов». Вот почему уныние церковь считает одним из семи смертных грехов, наравне даже с убийством, – заключила моя подруга.

Здесь, возле странного дольмена, в абсолютной тишине – даже птиц не слышно – в окружении гор, время текло как-то иначе. Или просто остановилось.

– Представляешь, сколько всего знает это странное каменное изваяние, скольких людей повидало и пережило за тысячелетия, – проговорила Лера. – И нас не будет, и тех, кто младше, уйдут и те, кто придет после них. А эти камни будут стоять... И горы. Мы, люди, просто песчинки, круги от капли на воде, которых эти глыбы и не замечают вовсе, как мы – муравьев под ногами. А мы, человеки, мним себя великими, столь многого требуем для себя от мира, чего-то доказываем, копошимся... А жизнь так коротка, что мы и понять в ней ничего не успеваем.

– Кажется, Раневская говорила: жизнь почти кончена, а я так и не узнала, что к чему...

Мы усмехнулись. Я подняла камешек (может, кусочек дольмена?), ощутила его тепло и засунула в карман джинсов. Сувенир от загадочного исполина.

А потом Лера и Сеня повели меня в соседнее село, к знакомой бабушке-художнице. Старушка радостно всплеснула руками, увидев гостей.

– Ивановна, – обратился к ней Сеня, – когда вы впервые взяли в руки кисти?

Спросил для меня, сам-то знал.

– Восемьдесят лет мне было, а сейчас уж девяносто, – без сожаления, даже с гордостью сообщила бабушка.

– Покажи свои творения, Ивановна – попросил Семен.

– Ой, ну ты тоже скажешь, Сеня, творения, – засмеялась она беззубым ртом. – Мазилки мои.

Она вынула из-под кровати несколько полотен. Аккуратно повернула их лицом к нам, и я ахнула. Это были наивные, трогательные зарисовки повседневной жизни горной деревни. Пастухи с барашками на восходе, крепенькая работница у виноградной лозы, хитроглазый мужичок, собирающий хурму в корзину, женщины с подоткнутыми платьями, срывающие верхние чайные листочки.

– А вы не могли бы продать мне эту картину? – показала я на пастуха, хотя мне хотелось купить все. Но это было неудобно.

– Ой, как это – продать? – засмеялась старушка. – Подарить – могу.

– Ивановна, вам же краски и холсты надо покупать, не стесняйтесь, продайте картинку, – уговаривал бабушку Семен.

– Ладно, – она задумалась. – Тысяча рублей для вас недорого будет? – и прикрыла уголкем платка рот, по-видимому, устыдившись своей коммерческой смелости.

Я дала ей в несколько раз больше. Бабушка удивленно глядела на купюры в своей руке, не понимая, как ей удалось получить за свою «мазилку» целую пенсию.

Я пробыла у друзей несколько дней. Семен нарисовал эскиз памятника. Правильным было решение приехать к ним.

Глава 13

Антон позвонил на домашний, как только я вошла в квартиру.

– Привет! – откликнулась я весело.

– О, слышу почти прежнюю Нику, – обрадовался он. – Встретимся?

Я согласилась. Мне хотелось увидеть Антона и подарить, наконец, красивый галстук, который купила во Флоренции.

Вручила сразу, как только встретились. Моднику Антону подарок понравился. «Супер, спасибо тебе», – Антон поцеловал меня в макушку. Я взяла его под руку.

Мы пошли прогуляться по моему любимому Замоскворечью. В поздний вечер уже слышала толпа офисных работников, которые после работы выстраиваются в очередь к входу на станцию метро Новокузнецкая.

Сегодня тихое вечернее Замоскворечье немногочисленностью напоминало спальный район. Очень крутой спальный район. Это в выходные или в пятницу вечером тут столпотворение – люди допоздна закупаются в окрестных кафешках.

Мы прошли мимо Новокузнецкой – мимо дома, где снимали незабвенного «Ивана Васильевича», мимо старинных церквушек, свернули через дворы на тихую улицу Бахрушина, и, наконец, вышли к Озерковской набережной. Огни только что отреставрированных домов отбрасывали праздничный свет на реку, чуть дрожащую от неуловимого ветерка – вместе с отраженными в ней фонарями.

– Как красиво! Жаль, не умею рисовать, – посетовала я.

– Зато это можно сфотографировать, – откликнулся мой прагматичный друг и вынул айфон. – Я тебе переброшу, а хочешь, сам сделаю большую фотографию в рамке, и ты повесишь дома. У тебя как раз стены пустоватые, надо чем-то заполнить.

– А я картину купила у старушки-художницы в Сочи, – похвалилась я. – Пастух с овечками на фоне гор и восходящего солнца. Наивно и трогательно. Художница – девяностолетняя бабушка, а рисовать начала только в восемьдесят, представляешь?

– О, у тебя еще столько времени в запасе! – рассмеялся Антон.

– Ха-ха, но я даже к восьмидесяти не смогу освоить самую примитивную живопись, не дано.

– Ой, Ника, мы сами не знаем, на что способны, – философски заметил Антон и повел в кофейню.

Мы устроились за столиком в пустом зале. Я рассказала о путешествии во Флоренцию, о поездке в Сочи, в Лазаревское, о дольмене, показала на айфоне снимок бабушкиной картины. Но умолчала, что потеряла сознание у могилы дочери. Поймала себя на мысли, что мне не хочется казаться слабой перед Антоном, посвящать его в грустные подробности. Впрочем, и раньше этого не делала, не вываливала на него свои проблемы, не ожидала помощи, не делилась мечтами. Отношения с дистанцией. Раньше именно они представлялись современными, правильными. Теперь, когда осознала ценность человеческого участия, эта поверхностность стала казаться бессмысленной, искусственной. Но мысль промелькнула, я ее отметила и не стала удерживать. Ведь так приятно тихим вечером сидеть в кафе с красивым и умным мужчиной в любимом Замоскворечье. И ни о чем не думать.

Антон рассказывал забавные истории о своих коллегах-бизнесменах, о встречах с бюрократами, жаждающими взяток, смешно копировал их. Видела, что ему нравится, как реагирую на шутки, смеюсь. Мы выпили кофе, потом молочный шейк, потом снова кофе.

– Все, теперь точно не засну, – улыбнулась я, отодвинув пустую чашку.

– А может, и не надо? – осторожно поинтересовался Антон и посмотрел в глаза долгим взглядом и тихо попросил. – Возвращайся, Ника...

Это было приглашение к нему домой на ночь. Я вся сжалась. Оказалось, я не стала прежней, нет, просто немного расслабилась. Но ехать к Антону не могла, понимая, что не хочу близости. Не готова. Антон ждал ответа.

– Проводишь меня? – выдавила я.

– Конечно, – он не пытался скрыть разочарования.

Я взяла его под руку. Мы пошли к машине. Посмотреть со стороны – respectable супруги на прогулке перед сном. Интуиция подсказывала мне, что сейчас наступил переломный момент. Наши отношения если и не заканчивались в сию минуту, то переходили в какую-то другую стадию. Может, дружескую. Это ведь тоже неплохо, когда бывшие любовники остаются хорошими друзьями.

Зная Антона, понимала: гедонист по натуре, он хочет жить здесь и сейчас, он хороший любовник и любит секс. И не будет долго ждать и уговаривать меня. Наверное, и не должен. Как и я не должна спать с мужчиной, лишь бы не потерять его.

Мне нужно копить силы, чтобы выжить. Беспечный секс уж точно не способен помочь в этом.

Глава 14

Подошел момент, когда следовало всерьез подумать о работе. Хотя не было ни желания, ни сил знакомиться с новыми людьми, вникать в новое дело, заниматься какой-то бессмыслицей, которой полно в любой работе. Пугало любое сообщество людей с его интригами, сплетнями, мелкими выяснениями отношений, а без этого в коллективе не обходится. С расстояния, точнее, с громады своего горя я видела, как смешна повседневная «мышьяная возня» человека, как много в ней суетной мелочности. Как подробно люди живут, придавая ерунде слишком большое значение, не пропуская ни одной чужой оплошности, заостряясь на ней и давая оценку, чаще за спиной. Раньше об этом не задумывалась, и, возможно, тоже жила слишком подробно. Теперь то ли поумнела, то ли стала мизантропом, а значит, поглупела.

Еще опасалась, что утратила творческий задор, а ведь всегда гордилась своим умением работать смело, оригинально, даже изначально скучное превращая в веселое и симпатичное. И в журналистике, что приветствовалось, и в аппаратной работе, что вызывало опасения у консервативных в массе своей функционеров. Но мне даже в чиновничестве повезло с начальством – Битов был креативный, как и его молодые подчиненные – министры.

Словом, сил на новое у меня не было, но не было и сил жить по-старому, в тягучей, а временами нечеловечески жгучей тоске.

Надо отдать должное моим высокопоставленным и обычным знакомым, которые предложили помощь в трудоустройстве. Решила встретиться со всеми, всех выслушать и, возможно, что-то подобрать для себя. Не питала иллюзий, понимая, что пик моей карьеры, скорее всего, пройден. И не потому, что мне сорок пять, а потому, что ничего мне не нужно от жизни. Мне бы какую-нибудь не занудную работу.

Самым настойчивым работодателем оказался Юра Грязнов, с которым мы когда-то работали в одном издании, где он был моим начальником, хотя и не самым главным. Собственно говоря, Юра первым предложил мне переехать из Сочи в Москву. Тогда мне казалось, что это отличная идея, а теперь я раскаивалась, что совершила ошибку. Ведь если бы я осталась в Сочи, то Поля была бы жива... Вспомнила слова Нонны Мордюковой, потерявшей сына: «Если вы родили ребенка, носите его на груди, как орден, и никогда не оставляйте». Права великая актриса.

С Грязновым мне когда-то работалось неплохо. Потом с ним произошла какая-то некрасивая история, что-то связанное с деньгами, и шеф его выгнал. Я не вникала, не хотела, продолжая общаться с Грязновым, когда все бывшие коллеги от него отвернулись, опасаясь гнева начальства. Мы иногда встречались в кафе, часто втроем – он, Жанна и я, болтали, перетирали новости, время от времени перезванивались, поздравляли друг друга с праздниками.

После увольнения пару лет Грязнов мыкался без работы, подрабатывал в каких-то малоизвестных конторах, потом, наконец, устроился в «Центральную газету», где за несколько лет дорос до должности шеф-редактора одного из многочисленных приложений издания. И теперь ему срочно нужен был зам. Преподшествующий умер две недели тому назад, прямо на рабочем месте, которое Грязнов теперь предлагал мне. Надо заметить, что и предыдущий его зам тоже умер. По пути на работу. В общем, бэкграунд у должности был еще тот. О чем меня Грязнов сразу предупредил, когда мы встретились в суши-баре, чтобы обсудить его предложение.

– Ты знаешь, я теперь вообще не боюсь смерти, – призналась я.

Только много позже узнала, почему Грязнов так вцепился в меня. Вовсе не из-за того, что я такая гениальная. Просто никто из сотрудников «Центральной газеты», кому была предложена эта несчастливая должность, на нее не согласился ни за какие коврижки. Как говорят на Украине, «дурных нема».

Грязнов расписывал мне новую работу как синекуру.

– Мы ударно работаем с понедельника по среду, в среду подписываемся. В четверг-пятницу работа через пень-колоду, так что ты придумай, чем будешь в эти дни заниматься. Можешь писать сама, можешь вообще не приходить в четверг-пятницу на работу. Ну а суббота-воскресенье у нас всегда выходные, это святое.

Звучало заманчиво, даже очень. У меня никогда не было столь свободного графика. А уж о двух полноценных выходных могла только мечтать. Мне почему-то всегда доставалась напряженная, почти круглосуточная работа. Но сил и энергии хватало.

Зарплату Грязнов назвал нормальной. Не большую и не маленькую.

– Знаешь, я хотела бы еще встретиться с некоторыми людьми по поводу работы, а потом уже принять решение, – призналась я.

– Давай так: после выходных придешь в контору, осмотришься, познакомишься с людьми и примешь решение, – предложил Юра. – Тянуть не советую, потому что могут кого-то взять.

Когда вечером пересказала встречу Жанне, заметив, что надо все же рассмотреть и другие варианты, она тут же возразила:

– Иди и ни о чем другом не думай. Отличное предложение! От дома недалеко, хоть пешком на работу ходи. Зарплата – ну, в общем, тоже приемлемая для начала. И потом это же наш Юрка Грязнов, свой человек, тебе с ним будет комфортно.

– Ладно, схожу, посмотрю, что к чему, а там видно будет, – пообещала я.

На будущую неделю наметила несколько встреч, чтобы оценить другие варианты. Но в понедельник утром должна была прийти к Грязнову в «Центральную газету».

В 10 утра в понедельник стояла у его кабинета. Впервые за много месяцев мне довелось надеть деловой костюм и туфли на каблуках. Я отвыкла от такой одежды. Но чувствовала, что в ней обрела прежнюю уверенность, когда не боялась никаких собеседований и встреч, потому что умела общаться, говорить к месту, заинтересованно слушать, вызывать доверие и оставлять о себе хорошее впечатление. Когда-то я мастерски владела деловой этикой.

Грязнов сразу повел меня к главному редактору Курочкину. Смешно – главный редактор с такой несерьезной фамилией. Курочкина я не раз встречала и раньше. Он всегда казался мне банальным серым функционером, совсем неинтересным. От творческого человека, журналиста, а когда-то Курочкин им был, в нем не осталось ни капельки. А впрочем, какая журналистика была в газете ЦК КПСС «Правда»? Та еще журналистика. Номенклатурная писанина. Решения съездов – в жизнь. Пятилетку – досрочно.

Несмотря на всю важность Курочкина, у меня не было никакого страха перед этим редактором-чиновником. С трудом заставила себя не смотреть на его прическу. Такие мне всегда казались смешными у пожилых мужчин – зачес на лысину сохранившихся сбоку длинных волос.

– Работа в «Центральной газете» налагает большую ответственность, – с места в карьер взял главный. – Мы должны не нахваливать власть, а объяснять людям ее действия. Это накладывает на сотрудников определенные идеологические ограничения. Вы, конечно, понимаете, что никакой оппозиции в нашем издании быть не может. Желтизны тоже. Мы серьезное издание. Наши читатели – это элита, начальство разных уровней, это министерства, Госдума, Совет Федерации, и, конечно, Кремль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.